

Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН
Междисциплинарный центр исследований европейской общественной мысли
(Санкт-Петербург, Россия)

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук
(Москва, Россия)

Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта
(Калининград, Россия)

Четвертая международная научная конференция

**Византия, Европа, Россия:
социальные практики и взаимосвязь духовных традиций**

27–29 июня, 2024 г. Санкт-Петербург

ПРОГРАММА

г. Санкт-Петербург

Организационный комитет

Проф., д-р филос. наук *Владимир Вячеславович Козловский*, директор Социологического института РАН – филиала ФНИСЦ РАН (Санкт-Петербург, Россия) – сопредседатель

Проф., д-р филос. наук *Роман Викторович Светлов*, директор Высшей школы философии, истории и социальных наук Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта (Санкт-Петербург, Россия) – сопредседатель

Доц., канд. филос. наук *Алексей Павлович Козырев*, декан философского факультета Московского государственного университета (Москва, Россия)

Проф., д-р филос. *Тереза Оболевич*, зав. кафедрой философии религии, зам. декана философского факультета Папского университета Иоанна Павла II (Краков, Польша)

Д-р филолог. наук *Татьяна Львовна Александрова*, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (Москва, Россия)

Проф., д-р филологии *Корнелия Ичин*, проф. Белградского университета (Белград, Сербия)

Канд. соц. наук *Руслан Геннадьевич Браславский*, зам. директора Социологического института РАН – филиала ФНИСЦ РАН (Санкт-Петербург, Россия)

Проф., д-р филос. наук *Алексей Эдуардович Савин*, зав. кафедрой философии Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ (Москва, Россия)

Проф., д-р филос. наук *Златица Плашиенкова*, проф. философского факультета Университета Коменского в Братиславе (Братислава, Словакия)

Проф., д-р филос. наук *Евгений Анатольевич Маковецкий*, проф. кафедры русской философии и культуры Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия)

Доц., канд. филос. наук *Николай Борисович Иванов*, доц. кафедры философской антропологии и истории философии Института философии человека Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, проф. Военной академии материально-технического обеспечения имени генерала армии А.В. Хрулева (Санкт-Петербург, Россия)

Доц., канд. филос. наук *Иван Алексеевич Протопопов*, доц. кафедры философии Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ (Москва, Россия)

Доц., канд. филос. наук *Елена Валентиновна Алымова*, доц. кафедры истории философии Санкт-Петербургского государственного университета, Русской Христианской гуманитарной академии (Санкт-Петербург, Россия)

Программный комитет

Проф., д-р филос. наук, *Алексей Алексеевич Грякалов*, проф. кафедры философской антропологии и истории философии Института философии человека Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия) – сопредседатель

Доц., канд. филос. наук *Олег Николаевич Ноговицин*, старший научный сотрудник Социологического института РАН – филиала ФНИСЦ РАН (Санкт-Петербург, Россия) – сопредседатель

Проф., д-р филос. наук *Алексей Валерьевич Малинов*, проф. кафедры русской философии и культуры Института философии Санкт-Петербургского государственного университета, ведущий научный сотрудник Социологического института РАН – филиала ФНИСЦ РАН (Санкт-Петербург, Россия)

Проф., д-р филос. наук, *Галина Владимировна Вдовина*, ведущий научный сотрудник Института философии Российской академии наук, зам. проректора по научной работе Общецерковной аспирантуры и докторантуры им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия (Москва, Россия)

Проф., д-р филос. наук *Иван Христов*, проф. Софийского университета им. Святого Климента Охридского (София, Болгария)

Проф., д-р филос. наук *Дмитрий Игоревич Макаров*, зав. кафедры общих гуманитарных дисциплин Уральской государственной Консерватории им. М.П. Мусоргского (Екатеринбург, Россия)

Канд. филолог. наук *Александра Юрьевна Никифорова*, старший научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (Москва, Россия)

Проф., PhD истории *Мирослав Даниш*, проф. Факультета искусств Университета Коменского в Братиславе (Братислава, Словакия)

Доц., канд. филос. наук *Антон Александрович Иваненко*, доц. кафедры истории философии Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия)

Проф., д-р филолог. наук *Дмитрий Александрович Черноглазов*, доц. кафедры общего языкознания Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия)

Доц., канд. ист. наук *Александр Александрович Сеницын*, доц. Русской Христианской гуманитарной академии (Санкт-Петербург, Россия)

Доц., канд. ист. наук *Алексей Дмитриевич Пантелеев*, доц. кафедры истории Древней Греции и Рима Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия)

Доц., канд. филос. наук, *Дмитрий Сергеевич Курдыбайло*, доц. кафедры философской антропологии и истории философии Института философии человека Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия)

27 июня

Пленарное заседание

Место проведения: Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН

Ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14, конференц-зал, ауд. 530

Ведущие — А.Э. Савин, О.Н. Ноговицин

10.00 – 14.00

Приветственные слова сопредседателей организационного комитета конференции
Владимира Вячеславовича Козловского и Романа Викторовича Светлова

Светлов Роман Викторович (Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, Калининград; Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург)

Два варианта платонизма III века н.э.: христианская и языческая «версии»

Макаров Дмитрий Игоревич (Уральская государственная Консерватория им. М. П. Мусоргского, Екатеринбург; Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург)

Василевс – аристократия – народ. Политические воззрения Феодора Метохита: Отголосок тритеизма или провозвестие барокко? (к постановке проблемы)

Иванов Николай Борисович (Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург)

Самопознание и анамнесис: бердяевский конспект

Рассел Джеймс (Гарвардский университет, США)

Что есть истина? О к/ф Алексея Балабанова «Брат-2»

Ноговицин Олег Николаевич (Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург)

Либерализм и теология: к теологическим началам права собственности в кантовской метафизике права

Муравьев Андрей Николаевич (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург)

Философское основание наук о духе и природе: прошлое, настоящее и будущее

Иваненко Антон Александрович (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург; Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург)
Сущность и историцизм

Савин Алексей Эдуардович (Российская академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва; Томский государственного университета, Томск)

О ленинском понимании гегелевской истории философии

14.00–15.00 Обеденный перерыв

Секция: Европейская мысль от Нового времени к Модерну и ее рецепции в России

Место проведения: Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН

Ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14, конференц-зал, ауд. 530

Ведущие — А.А. Иваненко, И.А. Протопопов

15.00 – 19.00

Протопопов Иван Алексеевич (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва; Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, Санкт-Петербург; Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург)

Проблема зла в философии Канта

Маковецкий Евгений Анатольевич (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург)

Кузин Иван Владиленович (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург)

Иррациональные принципы морального закона (необходимые дополнения к кантовской этической системе)

Шевцов Александр Викторович (Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет), Москва)

О задачах и методе диалектики как условиях человеческого мышления в учении Л.Г. фон Якоба о всеобщей логике

Алёткин Виталий Александрович (Санкт-Петербургский государственный университет)

Феноменологический путь к философии в учении И.Г. Фихте

Евлампиев Федор Игоревич (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург)

Идея динамического первоначала в философии Фихте

Тимофеев Александр Иванович (Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения, Санкт-Петербург)

Проблема научного анализа искусства в эстетике Гегеля

Паткуль Андрей Борисович (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург)

Статус истории философии у Канта и Хайдеггера

Дмитров Игорь Игоревич (Военно-морская академия имени Адмирала Флота Советского Союза Н. Г. Кузнецова, Санкт-Петербург)

Гегель и история философии как наука в трудах мыслителей советской России

Коваль Оксана Анатольевна (Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского, Санкт-Петербург)

Ханна Арендт как медиатор двух культур

Лагутин Сергей Владимирович (Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург)

Проблема признания в философском и теологическом познании у А. Кожева и Р. Жирара

Сюткин Антон Сергеевич (Европейский университет в Санкт-Петербурге; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге; Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург)

Прологомены к материалистической софиологии

Капельчук Ксения Александровна (Национальный исследовательский университет ИТМО, Санкт-Петербург; Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург)

Концепция диспозитива в философии Дж. Агамбена: возможно ли спасение?

27 июня

Секция: Русская мысль между античным наследием, византизмом и европейской цивилизацией

Заседание 1

Место проведения: Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН

Ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14, ауд. 516

Ведущие — *И.Н. Мочалова, А.А. Сеницын*

15.00 – 18.00

Мочалова Ирина Николаевна (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург)

Из Европы в Россию: особенности трансляции образа Пифагора-мудреца (вторая половина XVIII –XIX вв.)

Сеницын Александр Александрович (Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского, Санкт-Петербург)

Сократ с факелом Прометея (петербургский историк Э.Д. Фролов о повороте в истории общественной мысли, сделанном афинским философом)

Алымова Елена Валентиновна (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского, Санкт-Петербург)

Караваяева Светлана Викторовна (Северо-западный государственный медицинский университет им. И.И. Мечникова, Санкт-Петербург; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского, Санкт-Петербург)

Аристотель из вторых рук: рецепции философии Аристотеля на Руси

Попов Данил Сергеевич (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург)

Рецепция социально-политических идей стоиков на страницах русской периодики XIX века

Кузнецова Вера Владимировна (Национальный государственный Университета физической культуры, спорта и здоровья имени П.Ф. Лесгафта, Санкт-Петербург)
Современный стоицизм как индикатор мировоззренческих изменений

Фетисенко Ольга Леонидовна (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, Санкт-Петербург)
К. Н. Леонтьев и греческое монашество

Ищенко Нина Сергеевна (Луганский государственный аграрный университет имени К.Е. Ворошилова, Луганск)
Образ Византии в учебнике Михаила Диунова «Краткий курс Русской истории» (2023)

28 июня

Секция: Русская мысль между античным наследием, византизмом и европейской цивилизацией

Заседание 2

Место проведения: Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН

Ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14, ауд. 534

Ведущие — *А.В. Бакунцев, В.В. Фомин*

10.30 – 18.00

Кириллов Андрей Александрович (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону)
Сценарии конструирования византийского наследия

Ульянов Олег Германович (Высшая школа культурологии, Москва)
«Москва – Третий Рим» в современном научном дискурсе

Даниш Мирослав Йозефович (Университет Коменского в Братиславе, Словакия)
Словацкая и чешская историография о месте и роле теории «Москва – третий Рим» в контексте интерпретации русской истории

Ляшко Илья Анатольевич (Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, Санкт-Петербург)
Древнерусская икона с диалектико-материалистической точки зрения М.А. Лифшица

Сухорукова Ольга Александровна (Московский городской педагогический университет, Москва)
Византизм и российская цивилизация: к вопросу о наследовании Россией византийской традиции

Борозенец Тарас Анатольевич (Югорский государственный университет, Ханты-Мансийск)
Традиционная православная антропология и гуманистический персонализм

Лученков Иван Романович (Институт восточных рукописей Российской академии наук, Санкт-Петербург, Филиал Научно-исследовательского и конструкторского института монтажной технологии — Атомстрой в Египте)

Сравнительный анализ конфессионального фактора в миграционной политике Российской и Османской империй со второй половины XVIII по вторую половину XIX вв.

Медоваров Максим Викторович (Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород)

Цели, стратегия и тактика внешней политики России на Балканах в представлении дипломата Ю.С. Карцова

Бразевич Святослав Станиславович (Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург)

Геополитическая концепция Ф.И. Тютчева

14.00–15.00 Обеденный перерыв

Николаев Николай Юрьевич (Волжский политехнический институт (филиал) Волгоградского государственного технического университета, Волжский)

А.И. Герцен – между революционным насилием и миротворчеством

Комаров Антон Станиславович (Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург)

Русские мыслители-консерваторы XIX–XX вв. о религиозной свободе

Фомин Вячеслав Владимирович (Кафедральный Воскресенский собор, Ханты-Мансийск; НЧОУ ДО «Духовно-просветительский центр», Ханты-Мансийск)

Исихазм как основа неопатристического синтеза

Машукова Елена Юрьевна (Военно-космическая академия имени А.Ф. Можайского, Санкт-Петербург)

Маркс и марксизм в рецепции авторов журнала «Новый град»

Бакунцев Антон Владимирович (Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва)

К.Д. Бальмонт и И.А. Бунин vs Р. Роллан (1927–1928): конфликт мировоззрений и его подоплека (источниковедческий аспект)

Гравин Артём Андреевич (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва; Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург; Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН, Москва)

Апологетика и критика диалектической методологии А.Ф. Лосева (Л.А. Гоготишвили, В.В. Биbihин, С.С. Хоружий)

Тонковидова Анна Викторовна (Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма, Краснодар)

Две традиции постсекулярного миропонимания (философия Ю. Хабермаса и русская религиозная философия первой половины XX века)

Цветкова Наталия Борисовна (Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН, Москва)

Современные цивилизационные процессы в социально-культурной среде России

28 июня

Секция: Византия в западно-европейском и славянском контекстах

Место проведения: Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН

Ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14, конференц-зал, ауд. 530

Ведущие — *Д.С. Курдыбайло, А.Д. Пантелеев*

10.30 – 14.00

Пантелеев Алексей Дмитриевич (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва)

Отступники от христианства в первые века в церковной и языческой традиции

Миролюбов Иван Андреевич (Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева, Москва)

Отношение к Риму императоров дома Константина

Курдыбайло Дмитрий Сергеевич (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва; Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта, Калининград; Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург)

Теургия в корпусе Ареопагитики и символизм Евагрия Понтийского

Кропотов Роман Сергеевич (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург)

Апофатика Первоначала и проблема божественного творения из ничего в контексте античного и христианского неоплатонизма

Фуртай Франциска Викторовна (Ленинградский университет имени А.С. Пушкина, Санкт-Петербург)

Роль святой Ирины в созыве Седьмого Вселенского собора 787 года. Иконы, почитаемые в Византии и на Западе

Зубова Анна Николаевна (Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород)

Восприятие женщины в XIII-XIV вв. на основе старофранцузских куртуазных романов и византийского любовного романа 28 после 12.00

Евлампиев Игорь Иванович (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург)

От Оригена до Иоанна Скота Эриугены: становление традиции мистического пантеизма в европейской философии

Акишин Сергей Борисович (независимый исследователь, Санкт-Петербург)

О некоторых мотивах эстетики Ареопагитик в романе У. Эко «Имя розы»

Щукин Тимур Аркадьевич (Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург)

Щербачков Михаил Иванович (Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург)

Рецепция сочинений Максима Исповедника в XI веке

Карпов Александр Александрович (Московская духовная академия, Москва; Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург)
Истоки богословского становления Никифора Григоры

Сенина Татьяна Анатольевна (Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург)
Посейдон и Плутон как творцы человеческой души в пантеоне Георгия Гемиста Плифона

Презентация издания «Евлампиев И.И. Неискаженное христианство и его судьба в европейской истории. СПб.: Изд-во ЦСО, 2024».

Ведущий — *И.И. Евлампиев*

14.00–15.00 Обеденный перерыв

Круглый стол: Византийский Ренессанс XI – XV вв.: богословие, философия, политика

Место проведения: Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН

Ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14, конференц-зал, ауд. 530

Ведущий — *Д.А. Черноглазов*

15.00 –17.30

Щукин Тимур Аркадьевич (Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург)

Установление праздника Трех Святителей и богословские дискуссии в XI веке

Барышева Ольга Игоревна (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург; Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург)
Комментарий Феодора Продрома ко второй книге *Analytica posteriora* Аристотеля в контексте позднеантичной и византийской комментаторской традиции

Черноглазов Дмитрий Александрович (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург; Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург)

Похвала безграничной щедрости: к вопросу о политическом идеале Георгия Пахимера

Ноговицин Олег Николаевич (Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург)

Тринитарная полемика последней четверти XIII века и школьная философская традиция: Георгий Мосхамбар «Антирретик против Века» (гл. 3)

Спиридонова Лидия Валентиновна (Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург)

Гносеологические основания богословия в сочинениях Варлаама Калабрийского и Григория Паламы: сравнительный анализ

Сенина Татьяна Анатольевна (Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург)

Критика христиан и христианства в сочинениях Георгия Гемиста Плифона

Курбанов Андрей Викторович (Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург)

Распространение антилатинских произведений Григория Паламы в славянском мире в XV–XVI веках

Круглый стол: Цифровые издания античных и византийских письменных памятников: текст, перевод, научный аппарат, комментарии

Место проведения: Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН

Ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14, конференц-зал, ауд. 530

Ведущий — *О.Н. Ноговицин*

17.30 –20.00

Спиридонова Лидия Валентиновна (Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Москва)

Представление вариативности текста в цифровых академических изданиях: возможности, преимущества и ограничения

Курбанов Андрей Викторович (Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Москва)

Визуализация критического аппарата в цифровых изданиях античных и византийских писателей

Щукин Тимур Аркадьевич (Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Москва)

Датировка античного текста: чем могут помочь текстовые базы данных

Никифорова Александра Юрьевна (Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Москва)

Миафизитский литургический сборник Sinai Greek MG NF62: проблемы идентификации и публикации

Ноговицин Олег Николаевич (Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Москва)

Повествовательная структура и жанровые особенности «О сотворении мира» Иоанна Филопона: к вопросу о принципах цифрового комментированного издания сочинения

Черноглазов Дмитрий Александрович (Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Москва)

Трактат «О сотворении мира» Иоанна Филопона: специфика языка и стиля

Старикова Арина Олеговна (Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Москва)

Античная традиция о Ниле в трактате Филопона «О сотворении мира» (Philop. De opif. mund. 4, 3 и 4, 5)

Аннотации докладов

Пленарные доклады

Светлов Роман Викторович / Roman V. Svetlov

Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, Калининград, Россия, директор Высшей школы философии, истории и социальных наук; Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, профессор, доктор филос. наук / Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia, Director of the Higher School of Philosophy, History and Social Sciences; Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, Professor, DSc in Philosophy

Два варианта платонизма III века н.э.: христианская и языческая «версии»¹

Третий век по Р. Хр. важен для понимания того, как начали развиваться две конкурирующие, но и взаимно влияющие друг на друга формы платонизма – языческая и христианская. Рассматриваемые порой как дополняющие друг друга фигуры Оригена и Плотина показывают близость многих теоретических интуиций, дискурсов и даже практик. Однако важно видеть и фундаментальное различие, которое связано с темой историзма и с толкованием Логоса. Привлечение наследия учеников Плотина – Порфирия и Амелия – позволяет прояснить эту разницу в дискурсе, которая в дальнейшем будет влиять на адаптацию платоновского и аристотелевского наследия, а также неоплатонизма в средневековой интеллектуальной культуре.

Two versions of Platonism of the III century A. D.: a Christian and a Pagan one

The III century A. D. is sufficient for the understanding of how the development of two competing, while also mutually influencing each other, forms of Platonism, Christian and Pagan, originated. While being considered at times mutually complementing figures, Plotinus and Origenes reveal the proximity of a manifold of theoretical insights, discourses and even practices. It is also, however, of great importance to see a fundamental distinction related to the topic of historicism and the interpretation of the Logos. With the involvement of the heritage of Plotinus' disciples, Porphyry and Amelius, this distinction within the discourse could be clarified to further leverage the adaptation of Platonic and Aristotelian legacy as well as Neo-Platonism in the medieval intellectual culture.

Макаров Дмитрий Игоревич / Dmitry I. Makarov

Уральская государственная Консерватория им. М. П. Мусоргского, Екатеринбург, Россия, профессор; Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия, ведущий научный сотрудник, доктор филол. наук / Ural State Conservatory named after M.P. Mussorgsky, Ekaterinburg, Russia, Professor; Sociological Institute of FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia, Associate Researcher, Leading Researcher, DSc in Philology

Василевс – аристократия – народ. Политические воззрения Феодора Метохита: Отголосок тритеизма или провозвестие барокко? (к постановке проблемы)²

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00980 «Герменевтика классического текста как форма философской самоидентификации: Платон и его наследие от Античности до современной России» (Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта) <https://rscf.ru/project/24-18-00980/>
The study was funded by the grant of the Russian Science Foundation, project No. 24-18-00980 “Classical text hermeneutics as a form of philosophical self-identification. Plato and his heritage from Antiquity to modern Russia” (Immanuel Kant Baltic federal university) <https://rscf.ru/en/project/24-18-00980/>

² Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00251 «Византийский Ренессанс: институциональные основания и теолого-метафизические истоки религиозно-политического дискурса второй половины XI - XV вв.» (Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук), <https://rscf.ru/project/23-18-00251/>

В гл. 93–98 «Памятных заметок» (20-е гг. XIV в.) Феодор Метохит допускает предположение, что основные социально-политические агенты социума – василевс, аристократия и народ – принадлежат к разным природам. Подобное воззрение, мельком высказываемое и Шекспиром в «Гамлете» (1599–1601), в богословском плане означает перенос в политическую философию положений возникшей в VI в. ереси тритеитов, с которой боролись Леонтий Византийский, Отцы Церкви и анонимные полемисты. В конце XIII в. ряд положений этой ереси воскрешает в своей сумбурной богословской системе Иоанн XI Векк. Поэтому для его противников – таких, как Георгий Мосхамбар – опровержение тритеизма оставалось одной из важнейших задач. Очевидно, Метохит воскрешает те положения латинофильства, которые еще в последней трети XIII в. были близки его отцу Георгию Метохиту, осужденному в 1285 г. на Соборе во Влахернах вкупе с Иоанном Векком и Константином Мелитениотом. В плане признания политической роли народа Метохит, конечно, признает энтелехию народа аристократию – сообразно с одним из положений неоплатонизма Феодора II Ласкаря (1254–1258), согласно которому, энтелехия и различие – два принципа, охватывающих все сущее. Рассматриваются отчасти сходные представления о роли народа и аристократии в структуре социума, высказанные в «Чужестранце» неаполитанского барочного мыслителя Джулио Капаччо (1560–1634). Капаччо ближе Метохита подходит к идее народного представительства в органах власти, действующего на системной основе. Однако и он ещё близок вышеприведённым положениям средневекового неоплатонизма. Поэтому, в отличие о Е. де Врис–ван дер Вельден, мы считаем, что политические воззрения Метохита надо сравнивать не с Монтескье, а с представителями ренессансно-раннебарочного мира XIV–XVII вв.

Emperor, Aristocracy, and the People. Theodore Metochites' Political Views: An Echo of the Tritheism or a Harbinger of the Barocco? (A Statement of the Problem)

In the Chs. 93 to 98 of his Sententious Notes, dating back to the 20-es of the fourteenth century, Theodore Metochites put forward an idea that the basic social and political agents in the society, i. e., the emperor, aristocracy, and the people, belonged to different natures. Such a consideration, which was also uttered in passing by Shakespeare in the Hamlet (1599–1601), meant theologically a transposition into the political philosophy of some tenets of the Tritheist heresy, which was known to have emerged in the sixth century A. D. and to have become the target of polemics lead by Leontius of Byzantium, some Fathers of the Church, and anonymous polemicists. In the end of the thirteenth century some allegations of this heresy came to be rejuvenated by John XI Veccus in his messy theological system. This is why the refutation of the Tritheism remained one of the most important tasks for his theological opponents, such as George Moschambar. Evidently, Metochites reinvigorates those Latinophile statements that had been close to his father George Metochites, who was condemned at the Council of Blachernae in 1285 together with John Veccus and Constantine Meliteniotes, already in the last third of the thirteenth century. Metochites was certain to recognize aristocracy as the entelechy of the people and its political role, in compliance with a tenet of Theodore II Lascaris' (1254–1258) Neoplatonism, to wit, that entelechy and difference are the two principles which govern all the beings. We consider some partly similar ideas about the role of the people and of the aristocracy in the social structure from the «Foreigner» (Forestiero) by the baroque thinker from Napoli, Giulio Capaccio (1560–1634). He was closer, than Metochites, to the concept of the people's representation in the authorities, working on a regular basis. But Capaccio was also too close to the aforementioned notions of the Medieval Neoplatonism. Therefore, we believe, unlike Eva de Vries–van der Velden, that Metochites' political views should be compared not with those of Montesquieu, but with those notions and concepts which were characteristic for the representatives of the Renaissance and early baroque world from the fourteenth to the seventeenth centuries.

Иванов Николай Борисович / Nikolay B. Ivanov

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия, доцент; Военная академия материально-технического обеспечения имени генерала армии А.В. Хрулева, профессор; Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия, ассоциированный научный сотрудник, канд. филос. наук / Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia, Associate Professor; Military Academy of Logistical Support “General of the

---

The study was funded by the grant of the Russian Science Foundation, project No. 23-18-00251 “The Byzantine Renaissance: The Institutional Foundations and Theological and Metaphysical Origins of Religious and Political Discourse, Second Half of the 11th-15th Centuries” (Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences), <https://rscf.ru/en/project/23-18-00251/>

Army A. V. Khrulyov", St. Petersburg, Russia, Professor; Sociological Institute of FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia, Associate Researcher, CSc in Philosophy

Самопознание и анамнезис: бердяевский конспект

Самопознание и анамнезис – эпистемологические параллели, которые легко делятся друг с другом смысловыми аналогиями, но предметно не пересекаются: обращая взор исключительно на самого себя, видишь только личное, частное и преходящее и можешь лишь гадать, что ждет тебя по смерти и чем обязан и причастен ты *сущему как таковому*, какое *имя* во вселенной ты себе стяжал и *кем* останешься вовек, а твоя бессмертная душа, «припоминая» мир идей, среди которых не было и нет тебя, о твоём существовании даже не подозревает и заведомо ничего сказать о тебе *как таковом* не может. Словом – ты в душе не знаешь, что и думать и как во что бы то ни стало *оправдать себя* перед лицом ее бессмертия, а душа в тебе трепещет и не знает, как спастись от твоей тщеты, самовлюбленности и эфемерности. Но точно ли немислим «фигурный синтез» (Лейбниц, Кант, Гегель) этих двух путей к Истине? Была бы она собою, если бы виртуальные параллельные прямые в ее точке не пересеклись? И в трансцендентальном, и в спекулятивном отношении, очевидно, нет – иначе Истина не отличалась бы от полуправды, которая, очевидно, хуже лжи. С такой же аподиктичностью пересекаются они и экзистенциальном горизонте: «Самопознание» Бердяева – конспективный опыт такого синтеза.

Self-Knowledge and Anamnesis: Berdyaev's Synopsis

Self-knowledge and anamnesis are epistemological parallels that are easily shared with each other by semantic analogies, but do not intersect in a substantive way: looking exclusively at yourself, you see only the personal, the private and the transitory and can only guess what awaits you after death and what you owe and participate in Being as such, what *name* in the universe have you acquired for yourself and *whom* will you remain forever, whereas your immortal soul, "remembering" the world of ideas, among which you are nothing at all, does not even suspect your existence and obviously cannot say anything about you as such. In a word, *in your soul* you just don't know what to think and how to justify yourself at all costs in the face of its immortality, and *the soul in you* trembles and doesn't know how to save itself from your futility, narcissism and ephemerality. But is a "figured synthesis" (Leibniz, Kant, Hegel) of these two paths to Truth really unthinkable? Would it be itself if the virtual parallel lines did not intersect at its point? Both in a transcendental and speculative sense, obviously not - otherwise the Truth would not be different from a half-truth, which is obviously *worse than a lie*. With the same apodicticism they intersect on the existential horizon: "Self-Knowledge" by Berdyaev is a synoptical experience of such a synthesis.

Рассел Джеймс Р. / James R. Russell

Гарвардский университет, Кембридж, Массачусетс, США, профессор, доктор филологии, профессор, Emeritus / Harvard University, Cambridge, MA, USA, Professor, Doctor of Philology, Emeritus

Что есть истина? О к/ф Алексея Балабанова «Брат – 2»

В Евангелии от Иоанна Пилат вопрошает Иисуса Христа, «Что есть истина?» В своем романе *Мастер и Маргарита* М. А. Булгаков умозрительно воспроизводит их беседу, затрагивая разные значения слов *правда*; отец Павел Флоренский, завершая свой тщательный филологический анализ слов, означающих истину на нескольких языках, в течение которого объясняет загадочную фразу у пророка Исаии (65:16), подытоживает беседу Господа с Прокуратором Иудеи. На фоне этих библейских и художественных свидетельств обсуждается монолог Данилы (Сергея Бодрова младшего) в фильме Балабанова «Брат – 2» (2000 г.), где он объясняет американскому злодею, что сила не в деньгах, а в правде. Наблюдается разворот ролей, где подсудимый занимает роль судьи. Эссе представляет фильм в контексте трагического десятилетия после распада СССР и последующего возрождения России, и продолжает беседу, начатую отцом Павлом, затрагивая вопросы древнееврейской лексики и приводя данные из рукописей Мертвого Моря.

What is truth? On Alexei Balabanov's film "The Brother – 2"

In the Gospel according to John Pontius Pilate asks Jesus Christ “What is truth?” In his novel *The Master and Margarita* Sergei Bulgakov recreates their conversation, touching upon the words for truth in Russian that have different meanings. Fr. Pavel Florensky at the conclusion of his careful philological analysis of the words that mean truth in different languages— in the course of which he explains an enigmatic phrase in Isaiah 65:16— presents in conclusion the conversation of the Lord with the Procurator of Judea. Against the background of these Biblical and artistic testimonies one considers the monologue of Danila (Sergei Bodrov Jr.) in Balabanov’s film “The Brother – 2” (2000) where he explains to the American villain that power is not in money but in the truth. One observes a reversal of roles, where the accused assumes the role of judge. The essay presents the film in the context of the tragic decade following the dissolution of the Soviet Union and the renaissance of Russia, and continues the conversation begun by Fr. Pavel, considering questions of the Hebrew lexicon and adducing data from the Dead Sea Scrolls.

Ноговицин Олег Николаевич / Oleg N. Nogovitsin

Социологический институт РАН — филиал ФНИЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия, старший научный сотрудник, доцент, канд. филос. наук / Sociological Institute of FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia, Senior Researcher, Associate Professor, CSc in Philosophy

Либерализм и теология: к теологическим началам права собственности в кантовской метафизике права

В «Критике чистого разума» Кант формулирует теоретическое понятие о Боге как трансцендентальном идеале разума в качестве такой вещи, которая содержит в себе совокупность всех позитивных, мыслимых а priori предикатов, т.е. таких, через которые мыслится только бытие. Соответственно, все противоположные им отрицательные определения означают только отсутствие содержания, которое мыслится в соответствующих им утвердительных понятиях. Он поясняет данное различие посредством примера противоположности цивилизованного человека и дикаря как контрадикторной противоположности реального понятия (т.е. понятия о нечто, вещи) и производного от него отрицательного понятия (т.е. понятия, означающего «одно лишь отсутствие»): как слепорожденный не имеет представления о темноте, поскольку никогда не видел света, так и дикарь ничего не знает о своей бедности, поскольку не имеет понятия о благосостоянии. Согласно Канту, ноуменальная реальность, включая идею Бога и производные из нее понятия, нам недоступна в теоретическом познании, но в практическом познании доступна вполне. Моральное сознание обнаруживает в себе идею разума (царство целей) как нечто только действительное, возможность чего в эмпирической действительности для него непостижима, т.е. оно не знает такого условия, поступая в соответствии с которым, оно обнаружило бы царство целей в качестве эмпирического представления. Правовое сознание, напротив, в понятии интеллигибельного владения изначально содержит в себе смысл различия возможного и действительного в отношении внешних предметов владения, который выражает правовой постулат практического разума. Иными словами, оно различает внешние эмпирически данным сознанию предметы в качестве интеллигибельных продуктов произволения, подчиненного всеобщим законам практического разума. Данный постулат выражает немислимость для практического сознания того, чтобы предмет внешнего произволения мог бы быть бесхозным (*res nullius*), и, соответственно, представляет собой негативную формулировку понятия о частной собственности, как положительном теологическом понятии, отрицанием которого является понятие бесхозности. Частная собственность таким образом составляет не просто основу вещного права, но и права вообще, и как таковая есть нечто иное как непосредственная данность вещи в себе в практическом смысле. В отличие от цивилизованного человека, дикарь, согласно Канту, не имеет понятия о частной собственности, как он не имеет и понятия о благосостоянии, поскольку его народ не вступил в правовое состояние, которое представляет собой механизм гарантии этого права. В итоге либеральное сознание сталкивается с правовой апорией, выражающей несовместимость между трансцендентальным понятием частной собственности и эмпирическим понятием об изначально праве совместной собственности по праву проживания на соответствующей территории, которое также проистекает из правового постулата практического разума, поскольку из него следует, что всякое возможное правовое приобретение основано на приобретении частей земли как эмпирически данного целого, которым а priori владеет весь человеческий род.

Liberalism and theology: back to the theological principles of property rights in Kantian metaphysics of law

In the "Critique of the Pure Reason", Kant formulates the theoretical concept of God as a transcendental ideal of reason while being a thing containing in itself the totality of all positive predicates which are thought a priori, i.e. those via which solely the being is thought. Accordingly, all negative definitions contrary to them have only a meaning of absence of content which is thought in the affirmative concepts corresponding to them. Kant clarifies this difference via an example of the contrariness of a civilized human and a savage as a contradictory contrariness of a real notion (i.e. a notion of a thing) and a negative notion derivable from it (i.e. a notion meaning "just absence"): like a congenitally blind person has no idea of the darkness due to having never seen the light, a savage knows nothing of his poverty due to having no notion of wealth. As by Kant, the noumenal reality including the idea of God and the concepts derivable from it is not accessible for us in theoretical cognition, but quite accessible in practical cognition. The moral conscience discovers in itself the idea of reason (the realm of objectives) as something solely actual, where the possibility of that in the empirical reality is not intelligible to it, i.e. it does not know the condition, acting under which it would discover the realm of objectives as an empirical representation. The legal conscience, as the opposite, in the concept of intelligible possession, initially contains in itself the sense of distinction between the possible and the actual regarding the external items of possession, which is expressed by the legal postulate of the practical reason. In other words, it diversifies the external items given empirically to the conscience as intelligible products of imagination subordinate to the universal law of the practical reason. This postulate states inconceivability for the practical reason that the item of external volition could appear ownerless (*res nullius*) and, respectively, is a negative formulation of the concept of private property as a positive theological concept, a negation of which is the concept of ownerlessness. Thus private property constitutes the basis not only of proprietary rights but also of universal legislation and as such is nothing else but immediate givenness of the thing in itself in the practical sense. As distinct from the civilized person, the savage, according to Kant, has no idea of private property as well as no idea of wealth because his people have not entered the legal status which serves as a warrant mechanism of this law. Eventually, the liberal conscience deals with a legal aporia that states the incompatibility of the transcendental concept of private property and the empirical concept of primary shared ownership right under the right to reside on the respective territory. The latter also proceeds from the legal postulate of the practical reason, for it follows that any possible legal acquirement is grounded upon the acquisition of portions of land as an empirically given entirety which is a priori in the possession of the whole of human genus.

Муравьев Андрей Николаевич / Andrei N. Muravev

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, профессор, доктор филос. наук / Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, Professor, DSc in Philosophy

Философское основание наук о духе и природе: прошлое, настоящее и будущее

Достижение человечеством гармонии с природой (как с физической природой, так и со своей собственной, духовной природой) является одной из самых острых проблем современности и темой не только современных наук о духе, ибо в разработку темы вовлечены также современное искусство и современная философская мысль. Однако чрезвычайная острота и актуальность этой проблемы требует не забывать старой максимы, которая гласит, что истина не нова, а новое – отнюдь не всегда истинно. Не является абсолютно истинным и то относительно новое и, казалось бы, подтверждаемое опытом современности романтическое представление, что гармония может быть утрачена, а не только обретена, достигнута. Поэтому для того, чтобы решить, чего не хватает современной культуре для достижения гармонии с природой, следует обратиться к прошлому наук о природе и духе. Вряд ли кто-нибудь отважится отрицать, что без прошлого нет настоящего и, тем более, будущего – по крайней мере, в том виде, в каком мы хотели бы видеть открываемую временем перспективу. Это категорическое условие определило формулировку темы моего доклада, где прошлое занимает первое место не только по порядку, но и по значению. Как известно, науки о природе и духе возникли из философии – если не царицы, то матери всех наук, т. е. на едином философском основании. Главный тезис моего выступления состоит в том, что забвение этого основания есть одна из причин той дисгармонии, которая расстраивает жизнь современного человечества, отчего достижение гармонии требует сознательной опоры на философский базис всякого научного знания. Это положение будет аргументировано посредством обращения к трудам двух в прошлом весьма влиятельных в России немецких мыслителей: Шеллинга и Риккерта.

The philosophical basis of the sciences of spirit and nature: past, present and future

Humanity's achievement of harmony with nature (both with physical nature and with its own spiritual nature) is one of the most acute problems of our time and the topic is not only modern spiritual sciences, because modern art and modern philosophical thought are also involved in the development of the topic. However, the extreme acuteness and urgency of this problem requires not to forget the old maxim, which says that the truth is not new, and the new is by no means always true. Nor is it absolutely true that the relatively new and seemingly confirmed by the experience of modernity romantic notion that harmony can be lost, and not only found, achieved. Therefore, in order to decide what modern culture lacks in order to achieve harmony with nature, it is necessary to turn to the past of the sciences of nature and spirit. Hardly anyone would dare to deny that without the past there is no present and, moreover, no future – at least in the form in which we would like to see the perspective that time opens up. This categorical condition determined the formulation of the topic of my report, where the past takes the first place not only in order, but also in importance. As you know, the sciences of nature and spirit arose from philosophy – if not the queen, then the mother of all sciences, i.e. on a single philosophical basis. The main thesis of my speech is that forgetting this foundation is one of the reasons for the disharmony that upsets the life of modern humanity, which is why achieving harmony requires conscious reliance on the philosophical basis of all scientific knowledge. This position will be argued by referring to the works of two German thinkers who were very influential in Russia in the past: Schelling and Rickert.

Иваненко Антон Александрович / Anton A. Ivanenko

Санкт-Петербургский государственный университет, доцент, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия, ассоциированный научный сотрудник, канд. филос. наук / Saint Petersburg State University, Associate Professor, Sociological Institute of FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia, Associate Researcher, CSC in Philosophy

Сущность и историцизм

Историцизм – это точка зрения, согласно которой достаточное объяснение явлений духа заключается в исследовании их исторического происхождения. Он доминирует в гуманитарных науках с середины девятнадцатого века. Историцизм возник в то же время, когда позитивизм стал модой в науках и даже в самой философии, и это не случайно. Позитивизм А. Конта, материализм К. Маркса и позитивистская философия Ф.В.Я. Шеллинга уже сами по себе были вариациями как историцизма, так и позитивизма. Ибо историцизм считает, что указание на историческое происхождение явления духа есть его последнее объяснение и понимание. Иными словами, историцизм является разновидностью эмпиризма и отличается от чистого эмпиризма только тем, что рассматривает историю как закономерное развитие, что выходит за рамки чистого опыта. Эта установка сыграла в гуманитарных науках роль, аналогичную роли регулятивных идей Конта, и проявила себя как очень плодотворная. Кроме того, она питала оптимизм общества, что усиливало ее убежденность и влияние. Но обратной стороной успеха историцистских исследований было то, что исследователи, получившие ориентацию в массе исторических фактов благодаря ей, делали это неосознанно и оставались слепыми к своей собственной методологии. В действительности каждый исторический факт – это проявление сущности, а всемирная история – это реальность объективного разума, его развитие, поэтому она имеет законы и не является набором случайностей.

Essence and historicism

Historicism is the point of view according to which a sufficient explanation of the phenomena of the spirit lies in the study of their historical origin. It has dominated the humanities since the mid-nineteenth century. Historicism arose at the same time when positivism became popular in the sciences and even in philosophy itself, and this is not accidental. The positivism of A. Comte, the materialism of K. Marx and the positivist philosophy of F.W.J. Schelling were in themselves variations of both historicism and positivism. For historicism holds that an indication of the historical origin of the phenomenon of the spirit is its final explanation and understanding. In other words, historicism is a kind of empiricism and differs from pure empiricism only in that it considers history as a natural development that goes beyond pure experience. This attitude has played a role

in the humanities, similar to the role of Kant's regulatory ideas, and has proved to be very fruitful. In addition, she nurtured the optimism of society, which strengthened her conviction and influence. But the downside of the success of historicist research was that researchers who gained orientation in the mass of historical facts thanks to it did so unknowingly and remained blind to their own methodology. In fact, every historical fact is a manifestation of the essence, and world history is the reality of objective reason, its development, therefore it has laws and is not a set of accidents.

Савин Алексей Эдуардович / Alexey E. Savin

Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия, профессор, заведующий кафедрой философии; Томский государственный университет, Томск, Россия, ведущий аналитик, доктор философских наук / Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia, Professor, Head of Philosophy Department; Tomsk State University, Moscow, Tomsk, Russia, Leading Research Fellow, DSc in Philosophy

О ленинском понимании гегелевской истории философии

Целью доклада является прояснение сущности ленинской трактовки гегелевских «Лекций по истории философии». В работе выявляются причины обращения Ленина к этой работе Гегеля. Эxpлицитируется контекст, в котором происходит это обращение – марксова критика трактовки сущности истории, том числе и истории мысли, как истории самосознания. Раскрывается причина акцентирования Лениным на гегелевской концептуализации философии Аристотеля. Демонстрируется способ раскрытия Лениным ограниченности гегельянской диалектики чистого мышления. Раскрывается значение ленинской трактовки гегелевской критики эмпиризма для формирования концепта критической теории.

On Lenin's understanding of Hegel's history of philosophy

The aim of the talk is to clarify the essence of Lenin's interpretation of Hegel's "Lectures on the History of Philosophy." The talk reveals the reasons for Lenin's appeal to this work of Hegel. The context in which this appeal occurs is explicated – Marx's criticism of the interpretation of the essence of history, including the history of thought, as the history of self-consciousness. The reason for Lenin's emphasis on the Hegelian conceptualization of Aristotle's philosophy is revealed. The method Lenin revealed the limitations of the Hegelian dialectics of pure thinking is demonstrated. The talk excavates the significance of Lenin's interpretation of Hegel's criticism of empiricism for the formation of the concept of Critical theory.

Русская мысль между античным наследием, византизмом и европейской цивилизацией

Мочалова Ирина Николаевна / Irina N. Mochalova

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, доцент; Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия, старший научный сотрудник, канд. филос. наук / St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, Associate Professor; Russian State University for Humanities, Moscow, Russia, Senior Researcher, CSc in Philosophy

Из Европы в Россию: особенности трансляции образа Пифагора-мудреца (вторая половина XVIII –XIX вв.)³

---

³ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01129 «Античная философия на страницах российских журналов второй половины XVIII–XIX веков: споры о природе философии, ее национальных особенностях и месте в отечественной культуре» (Санкт-Петербургский государственный университет) <https://rscf.ru/project/23-28-01129/>

The study was funded by the grant of the Russian Science Foundation, project No. 23-28-01129 "Ancient Philosophy on the Pages of Russian Journals of the Second Half of the 18th–19th Centuries: Disputes About the Nature of Philosophy, its

From Europe to Russia: features of the translation of the image of Pythagoras (second half of the 18th–19th centuries)

Синицын Александр Александрович / Alexander A. Sinitsyn

Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского, Санкт-Петербург, Россия, доцент, канд. историч. наук / Russian Christian Academy for the Humanities named after Fyodor Dostoevsky, St. Petersburg, Russia, Associate Professor, CSc in History

Сократ с факелом Прометея (петербургский историк Э.Д. Фролов о повороте в истории общественной мысли, сделанном афинским философом)

Русского историка-эллиниста Эдуарда Давидовича Фролова (1933–2018) уже при жизни называли «патриархом современного петербургского антиковедения». Профессор Э.Д. Фролов занимался историей политических концепций, проблемами власти и формами правления (тирания, демократия, олигархия), исследованием биографии и деятельности античных правителей и интеллигенции. В 1972 г. он защитил докторскую диссертацию на тему «Тирания в Древней Греции в IV в. до н.э.», и в том же году в издательстве Ленинградского государственного университета вышла его монография «Греческие тираны (IV в. до н. э.)», в 1979 г. была издана книга «Сицилийская держава Дионисия (IV в. до н. э.)», а в 1988 г. — «Рождение полиса». Следуя традициям петербургской школы антиковедения (Ф.Ф. Зелинский, С.А. Жебелев, С.Я. Лурье и др.), Э.Д. Фролов подготовил и опубликовал несколько монографий по источниковедению, историографии и истории общественной мысли в античности. Историка Э.Д. Фролова интересовали политическая история и культурные феномены греко-римской древности, влиятельные политики и реформаторы прошлого, он писал об альтернативных социальных сообществах (мужские союзы, философские и политические кружки, содружества и школы), а также социально-политические воззрения эллинских мыслителей, их теории переустройства государства.

В начале своего научного пути Э.Д. Фролов занимался исследованием биографии и творчества одного из воспитанников Сократа, Ксенофонта, в 1958 г. защитил кандидатскую диссертацию «Жизнь Ксенофонта и его общественно-политические воззрения (преимущественно по «Малым сочинениям»)» (науч. рук. — проф. К.М. Колобова), переводил исторические труды Ксенофонта, а также произведения Андокида, Исократ, Диодора Сицилийского и др. античных авторов. Основные труды ученого о творческой силе эллинского духа — «Факел Прометея» (1981; ²1991; ³2004) и «Огни Диоскуров» (1984, включенная позже в «Факел Прометея»), «Греция в эпоху поздней классики: общество, личность, власть» (2001) и «Парадоксы истории – парадоксы античности» (2004), он подготовил главы в коллективных монографиях «Альтернативные социальные сообщества в античном мире» (2002) и «Феномен досуга в античном мире» (2013), составителем и редактором которых он являлся.

Замечу, что Э.Д. Фролов был строгим ученым-историком, которого не (особо) интересовали чисто философские проблемы, он был далек от исследования онтологических умозрительных конструкций. Но, как исследователь общественной мысли эллинов, Эдуард Давидович часто обращался в своих трудах к античным философам. Он писал о религиозных союзах, философам и философских содружествах: круге семи мудрецов, философам, входивших в «кружок Перикла и Аспасии», афинском софисте и тиране Критии, Платоновской академии, Аристотелевском Ликее, саде Эпикура, совете друзей Дионисия Сиракузского, философе у власти Деметрии Фалерском, античном Мусейоне и проч. В *opus magnum* Фролова «Факел Прометея» отдельные главы посвящены Гераклиту Эфесскому, софистам, которые оказали колоссальное влияние на развитие политической теории, Ксенофону, Платону, Аристотелю и другим эллинским философам, основоположникам современной политологии. Однако особое место в этой книге занимает фигура Сократа, рассказ о его биографии, учении и практической деятельности, о суде над афинским «оводом», приговоре и его смерти. В «Факеле Прометея» ему отводятся две главы — «Новая философия жизни. Сократ» и «Общество против философа: процесс Сократа» (по изд. 2004 г.).

Название этой книги говорящее, и автор осмысленно включает в заглавие имя прославленного древнегреческого титана. Первая глава книги поясняет название монографии: «Факел Прометея — символ творческого порыва». В ней Э.Д. Фролов рассказывает об особом даре греческого титана, гордившегося своими заслугами перед родом смертных, — с пространной цитатой из трагедии Эсхила

«Прометей прикованный» (vv. 436–506). Немецкий философ Х.-Г. Гадамер в докладе «Прометей и трагедия культуры» (1946/1954) показал, что в античных сказаниях о Прометее и использовании этого образа в европейской литературе и искусстве нашло отражение самосознание человечества. Образ Прометея, тираноборца и богоборца, заступника и (зачастую) создателя людей, стал одним из самых величественных в западной культуре, стал символом борьбы, освобождения, созидания, человеколюбия. Принесши с небес огонь, похищенный у богов, Прометей «спас человечество от прозябания и гибели» (Фролов ³2004, 16). У поэта Эсхила благодетельный титан дал людям все виды τέχναι — искусства, науки, ремесла (πάσαι τέχναι βροτοῖσιν ἐκ Προμηθέως / «Все искусства смертных от Прометея», Aesch. *Prometh. vincus*, v. 506). Великий спаситель становится суперсимволом — самым значительным и знаковым образом, воплощающим дерзание, борьбу, поиск и подвижничество.

Рассказывая о *Сократовом повороте* в истории общественной мысли, Э. Д. Фролов неоднократно отмечает благородство и гражданское мужество «босоногого мудреца». Трагуемый им Сократ — это ксенофоновский образ *par excellence*. Ученый говорит об особом созидательном даре Сократа-целителя, его стремлении к *оздоровлению* общества: «Сократ первым поднял голос в защиту важнейшей для человека ценности — позитивного смысла жизни. На исходе классического периода разложение охватило самое сердцевину античного общества — гражданскую личность. И вот Сократ занялся *врачеванием* этой важнейшей элементарной частицы общества — человека, в убеждении, что никакая реформа общества *не возможна без оздоровления личности*. <...> Сократ выступает как воплощение здоровой реакции на опасные разрушительные тенденции социального, интеллектуального и нравственного развития. <...> Это *душевное здоровье* Сократа — здоровье его народа, в нем воплотилось самое *чувство самосохранения* древних эллинов...», Фролов ³2004, 265, 266; курсив в цитате мой).

Способности мудреца прозревать грядущее роднят афинского мудреца с «великим человеколюбом», каким видит Прометея-борца историк Э. Д. Фролов (имя Прометей означает «провидец»). Рассуждая о диалектическом методе Сократа, историк Э. Д. Фролов (здесь он опирается на суждения В. С. Нерсисянца), считает, что демонстрировавшийся философом-практиком метод «был способом не отыскания, а разъяснения истины», той истины, которая едина. Сократ, как никакой из других героев фроловского «Факела» (легендарные эпические первопоэты Гомер и Гесиод, ни «отцы истории» Геродот, Фукидид и Ксенофонт, ни первые философы, как Гераклит, Фалес, проч.) воплощает прометеевские качества (кстати, и хитрость тоже, вспоминая иронию Сократа).

Конфликт Сократа с общиной вылился в судилище над философом-подвижником, чья практическая философия «достала» сограждан. Сократ — жертва демократического полиса, равно как и страдалец Прометей, который по воле олимпийского бога Зевса подвергается тяжелым и мучительным телесным наказаниям. Знаменитый миф рассказывает о том, что, даже зная, какой каре он будет подвергнут, герой-титан противостоит бессмертным богам и совершает подвиг во имя жизни смертного рода. Образ мужественного титана Прометея, который отважился на борьбу с тиранией верховного Олимпийца и претерпел невероятные страдания ради своей любви к людям. В равной мере и герой Сократ, принеший себя в жертву полису, обладает титанической мощью. То, что Сократ «прометеевски» щедро подарил не только своим согражданам, не только эллинам, но и всему человечеству.

Исторический Сократ делает исторический переворот. И Э. Д. Фролов акцентирует внимание на том, что нравственный поворот Сократа имел значение не (с)только для философии, но и для истории человечества. Афинский мудрец воплощает собой этическую практическую философию, связь разума и морали, знания и добродетели. Нравственная социология Сократа, о единстве этического и политического начал учения философа. Сократ поднял и гордо нес факел Прометея, «символизировавший великое значение творческого порыва, без которого человек не был бы человеком».

Socrates carrying Prometheus' Torch (The Petersburg historian E. D. Frolov on the turning point of the history public thought prompted by the Athenian philosopher)

Even in his lifetime, the Russian Hellenist Eduard Davidovich Frolov (1933–2018) bore the name of “a patriarch of modern Petersburg classical scholarship”. Professor E.D. Frolov was a rigorous scholar who did not take a great interest in pure philosophic issues; he was far from speculative constructs. Yet, as a researcher into the Hellenic public thought, Eduard Frolov frequently turned to ancient philosophers in his papers. *The Torch of Prometheus* (1981; ²1991; ³2004) has chapters devoted to Heraclitus of Ephesus, sophists, Xenophon, Plato and Aristotle; however, the figure of Socrates, his teaching and practice, the trial of the Athenian ‘gadfly’ and his death hold a special place in the book; *The Torch* has two chapters: ‘A New Philosophy of Life. Socrates’ and ‘Society against the Philosopher: the Trial of Socrates’. The former chapter of the book bears a keyhole title: ‘Prometheus’s torch as a symbol of creative impulse’. E.D. Frolov speaks about (citing Aeschylus’ tragedy

Prometheus Bound (vv. 436–506) a special gift the Greek titan, who was proud of his merits to the mortal kind. The German philosopher H.-G. Gadamer in his speech on *Prometheus and the Tragedy of Culture* (1946/1954) showed that the ancient tales about Prometheus and the use of this figure in modern European literature and arts reflected self-consciousness of mankind. The figure of Prometheus, a fighter against tyranny and gods, creator and champion of people, has become the most majestic in the European culture, a symbol of struggle, liberation, creation, and benevolence. By bringing fire which he stole from the gods to the people Prometheus 'saved mankind from wretchedness and ruin', but the poet Aeschylus showed him as a benevolent titan who gave people all arts, sciences and crafts (*πάσαι τέχναι βροτοῖσιν ἐκ Προμηθέως* / 'All arts of mortals come from Prometheus', Aesch. *Prometh. vincus*, v. 506). The great savior becomes a powerful symbol encompassing endeavours, struggle, search and heroic conduct. While talking about Socrates' turning point in the history of public thought, Frolov keeps emphasizing the nobleness and civic virtue of the 'barefoot sage'. The scholar speaks about Socrates' special constructive gift, his urge to *reenergize* the society. The Athenian sage's ability to foresee the future relates him to the 'great lover of humanity', as the historian Eduard Frolov sees Prometheus the Fighter (the name Prometheus means 'seer'). Socrates in Frolov's interpretation is a Xenophon's figure *par excellence*.

Eduard Frolov, deliberating about Socrates' dialectic method, argues that the method used by the empirical philosopher was a way not to find but to explain the truth, the truth that is holistic. Socrates, unlike other characters in Frolov's *The Torch* (Homer, Hesiod, Herodotus, Thucydides, Xenophon, Heraclitus, Thales at al.), embodies Prometheus' qualities. He is an epitome of the courageous Prometheus, who dared to fight against tyranny of the high Olympic god Zeus and suffered greatly for his love of people. In equal measure, Socrates, who devoted body and soul to this, possesses a titanic power. The historical Socrates staged a historical coup. According to E. Frolov, the moral change of course was of great importance not only for philosophy but also for the history of mankind. The Athenian sage represented the ethic empirical philosophy, the link between reason and morality, knowledge and virtue. The conflict between Socrates and the community resulted in the trial of the philosophic champion whose empirical philosophy was a bit too much for his countrymen. This too much was what Socrates, Prometheus' way, freely gave not only to his countrymen, not only to Hellenes, but also to the whole mankind. He had raised and carried Prometheus' torch that 'symbolized the great significance of constructive impulse without which man would not be man'.

Алымова Елена Валентиновна / Elena V. Alymova

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, доцент; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского, Санкт-Петербург, Россия, доцент, канд. филос. наук / Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; Russian Christian Academy for the Humanities named after Fyodor Dostoevsky, St. Petersburg, Russia, Associate Professor, CSc in Philosophy

Каравеева Светлана Викторовна / Svetlana V. Karavaeva

Северо-западный государственный медицинский университет имени И.И. Мечникова, Санкт-Петербург, Россия, доцент; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского, Санкт-Петербург, Россия, доцент, канд. филос. наук / North-Western State Medical University named after I.I. Mechnikov, St. Petersburg, Russia; Russian Christian Academy for the Humanities named after Fyodor Dostoevsky, St. Petersburg, Russia, Associate Professor, CSc in Philosophy

Аристотель из вторых рук: рецепции философии Аристотеля на Руси⁴

Доклад посвящен рецепции философии Аристотеля в Древнерусской культуре XI–XV вв. Исследование осуществляется в рамках проекта «Аристотель в России». Судьба Аристотеля в отечественной культуре сложная. Аристотель был менее популярен как на Руси, так и в России, чем его учитель Платон. Причины очевидны. Однако в контексте русскоязычной культуры философия Аристотеля все же присутствовала.

---

⁴ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01107 «Аристотель в России: проблемы рецепции и интерпретации» (Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского) <https://rscf.ru/project/24-28-01107/>

The study was funded by the grant of the Russian Science Foundation, project No. 24-28-01107 "Aristotle in Russia: problems of reception and interpretation" (Russian Christian Academy for the Humanities named after Fyodor Dostoevsky) <https://rscf.ru/en/project/24-28-01107/>

Правда, следует признать, что знакомство русскоязычного читателя ограничивалось отдельными цитатами и пересказами сочинений Стагирита. Прежде всего, его философия представлялась в аспектах этики и логики. В рамках доклада будут рассмотрены следующие тексты: «Изборник» Святослава (1073 г.), «Тайная Тайных, или Врата Аристотелевы» и ряд других.

Aristotle adopted: Receptions of Aristotle's Philosophy in Rus

The report is dedicated to the reception of Aristotle's philosophy in the Russian culture of the 11th–15th centuries. This research is being developed within the framework of the project – “Aristotle in Russia”. The destiny of Aristotle in the Russian culture is controversial. He was less popular in Rus as well as in Russia than his teacher Plato. The reasons are obvious. Nevertheless the philosophy of Aristotle was not totally unknown in Rus and in Russia. But it should be admitted that the knowledge of the philosophy of Stagirite was restricted to some quotations and retellings first of all of his ethical and logical works. The report deals with such texts as “Izbornik of Sviatoslav” (1073), “The Clandestine of the Clandestine, or Aristotle's Gates” and others.

Попов Данил Сергеевич / Danil S. Popov

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, ассистент, кандидат философских наук / Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, Assistant, CSc in Philosophy

Рецепция социально-политических идей стоиков на страницах русской периодики XIX века⁵

В XIX столетии, когда в России зарождалось антиковедение, обращение к стоическим идеям (как к части древней философии) выступало как необходимая часть исторических и концептуальных исследований в области социально-политической философии и философии права. Однако эта проблематика рассматривалась не только в трудах, предназначенных «для учёных или для школы»: она становилась достоянием читающей публики с помощью периодических изданий. Интерес к социально-политическому аспекту стоической системы в этой форме замечен еще в начале столетия («Каллиопа», «Северная Минерва», «Вестник Европы» и др.), а всплеск популярности стоических идей в 1870-х вывел дискуссию на новый уровень. В это время к обсуждению этого аспекта стоической философии на страницах журналов «Вера и разум», «Дело», «Русская мысль» и др., подключаются церковные, революционно-демократические круги, публицисты. Содержательно выделяются две линии интерпретаций: первая воспроизводила традиционное мнение об асоциальном характере стоической мысли, эгоизме и полной сосредоточенности стоика на самом себе, то другая (исторически верно) представляла философов Портика как неутомимых работников на ниве общего блага, подлинных граждан и даже «революционеров». Разворачивавшиеся на страницах периодики обсуждения идей стоиков не только актуализировали знания в области древней философии, но и включали стоические идеи в актуальный XIX века политический дискурс.

Reception of social and political ideas of the Stoics on the pages of Russian periodicals of the 19th century

In the 19th century, when Ancient Studies were emerging in Russia, reference to Stoic ideas (as part of ancient philosophy) acted as a necessary part of historical and conceptual studies in the field of socio-political philosophy and philosophy of law. However, this problematic was not limited to works intended “for scholars or for school” and became available to the reading public through periodicals. Interest in the socio-political aspect of the Stoic system in this form was noticeable as early as at the beginning of the century (*Calliope*, *Severnaya Minerva*, *Vestnik Европы*, etc.), and the surge of popularity of Stoic ideas in the 1870s brought the

---

⁵ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01129 «Античная философия на страницах российских журналов второй половины XVIII–XIX веков: споры о природе философии, ее национальных особенностях и месте в отечественной культуре» (Санкт-Петербургский государственный университет) <https://rscf.ru/project/23-28-01129/>

The study was funded by the grant of the Russian Science Foundation, project No. 23-28-01129 “Ancient Philosophy on the Pages of Russian Journals of the Second Half of the 18th–19th Centuries: Disputes About the Nature of Philosophy, its National Peculiarity, and its Place in Domestic Culture” (Saint Petersburg State University) <https://rscf.ru/en/project/23-28-01129/>

discussion to a new level. At this time, church, revolutionary-democratic circles, and publicists joined the discussion of this aspect of Stoic philosophy on the pages of journals *Vera I Razum, Delo, Russkaya Mysl'*, and others. There were two lines of interpretation: the first reproduces the traditional view of the asocial character of Stoic thought, the Stoics' egoism, and their complete concentration on themselves, while the other (historically correct) presents Portico's philosophers as tireless workers in the field of the common good, true citizens, and even "revolutionaries". The discussion of Stoic ideas on the pages of periodicals not only actualized the knowledge of ancient philosophy, but also included Stoic ideas in the political discourse of the 19th century.

Кузнецова Вера Владимировна / Vera V. Kuznetsova

Национальный государственный Университета физической культуры, спорта и здоровья имени П.Ф. Лесгафта, Санкт-Петербург, Россия, доцент, канд. филос. наук / Lesgaft National State University of Physical Education, Sport and Health, St. Petersburg, Russia, Associate Professor, CSc in Philosophy

Современный стоицизм как индикатор мировоззренческих изменений

В докладе предлагается анализ влияния философии стоицизма на мировоззренческую систему современного человека. Цифровая реальность усложняет проблему кризиса ценностей. Современный стоицизм, обращаясь к стоицизму античному адаптирует этику и практику стоицизма к реалиям нашего времени, помогая сохранять устойчивость и эмоциональную стабильность в постоянно обновляющемся и изменяющемся мире. В предлагаемом докладе рассматривается влияние современного стоицизма на личностное, осознанное изменение системы взглядов на мир и место человека в этом мире.

Modern stoicism as an indicator of ideological changes

The report offers an analysis of the influence of the philosophy of Stoicism on the worldview system of modern man. Digital reality complicates the problem of the crisis of values. Modern Stoicism, turning to ancient Stoicism, adapts the ethics and practice of Stoicism to the realities of our time, helping to maintain resilience and emotional stability in a constantly renewed and changing world. This report examines the influence of modern stoicism on a personal, conscious change in the system of views on the world and a person's place in this world.

Фетисенко Ольга Леонидовна / Olga L. Fetisenko

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия, ведущий научный сотрудник, доктор филол. наук / Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia, Leading Researcher, DSc in Philology

К.Н. Леонтьев и греческое монашество

Мыслитель и писатель К.Н. Леонтьев (1831–1891) стяжал репутацию «русского византийца» и грекофила. Период его творческого расцвета, в том числе и философского, совпал по времени с обретением «личного Православия» (по его терминологии) после пережитого духовного кризиса. Главный его труд (книга «Византизм и Славянство») был создан после года, проведенного на Святой Горе. На Афоне он нашел не только старческое руководство, но и уникальный образец «реального социализма». Но среди афонитов, с которыми тесно общался русский консул, были не только русские монахи, но и болгары, и, разумеется, греки, весьма его интересовавшие. (Ранее изучались только взаимоотношения Леонтьева со старцами Пантелеимоновского монастыря.) Как собственные впечатления, так и внимательно изучаемые жития святых заставили писателя задуматься о типологии христианской святости, о том, как в ней преломляются национальные черты. В докладе будет предпринята попытка обобщенно представить историю личных контактов Леонтьева с греческими монахами на Афоне и на о. Халки и то, как отразились эти встречи и беседы в его творчестве.

K.N. Leontiev and Greek monasticism

In the history of Russian philosophy K.N. Leontiev has a reputation as a “Byzantine” and a Grecophile. His main philosophical works were written after a year spent on Mount Athos. Among the Athonite monks with whom the Russian consul communicated were not only Russians and Bulgarians, but also Greeks. Previously, only Leontiev’s relationship with the elders of the Panteleimon Monastery was studied. Both his own impressions and carefully studied lives of saints forced the writer to think about the typology of Christian holiness, about how national features are refracted in it. The report will attempt to summarize the history of Leontiev’s personal contacts with Greek monks on Mount Athos and on the island Halki and how these meetings and conversations were reflected in his work.

Ищенко Нина Сергеевна / Nina S. Ishchenko

Луганский государственный аграрный университет имени К.Е. Ворошилова, Луганск, Россия, канд. филос. наук, доцент кафедры философии / Lugansk State Agrarian University named after K.E. Voroshilov, Lugansk, Russia, CSc in Philosophy

Образ Византии в учебнике Михаила Диунова «Краткий курс Русской истории» (2023)

В докладе анализируется образ Византии в новом учебнике русской истории, независимом проекте Михаила Диунова, российского историка, антрополога, блогера, публициста, кандидата исторических наук. Исследование проводится методом тематического моделирования. Изучены все вхождения в текст терминов, представляющих тему Византии, а именно: «Византия», «византийский», «византийцы», «второй Рим» «ромеи», «Ромейская империя», «Римская империя». Последние три термина не встречаются ни разу. Термин «второй Рим» встречается в Теме 3. Русское национальное централизованное государство при объяснении концепции «Москва – третий Рим», возникшей в этот период. Что касается первых терминов, отсылающих конкретно к Византии, их упоминание разделено между следующими историческими эпохами и проектами: древние славяне, походы варягов на Византию, крещение Руси; императорский титул Петра Великого; греческий проект Екатерины Великой. Анализ вхождений методом пристального чтения показывает, что в учебнике нигде не сказано прямо, как Византия связана с Римской империей и христианством, не указано, что византийцы, греки и ромеи – одно и то же, не приводится самоназвание Византии. Итак, образ Византии в новом учебнике русской истории создан на основе европейских исторических клише XVIII–XX вв., значение византийской культуры для Руси не раскрывается, Византия не показана как парадигмальный центр христианской цивилизации.

The Image of Byzantium in Mikhail Diunov’s Textbook “A Short Course in Russian History” (2023)

The report analyzes the image of Byzantium in the new textbook of Russian history, an independent project of Mikhail Diunov, a Russian historian, anthropologist, blogger, publicist, candidate of historical sciences. The study was conducted by the method of thematic modeling. All occurrences in the text of terms representing the theme of Byzantium have been studied, namely: “Byzantium”, “Byzantine”, “Byzantines”, “second Rome”, “Romans”, “Roman Empire”, “Roman Empire”. The last three terms do not occur once. The term “second Rome” is found in Topic 3. The Russian national centralized state in explaining the concept of “Moscow – the third Rome” that arose during this period. As for the first terms referring specifically to Byzantium, their mention is divided between the following historical epochs and projects: the ancient Slavs, the campaigns of the Varangians to Byzantium, the baptism of Russia; the imperial title of Peter the Great; the Greek project of Catherine the Great. The analysis of occurrences by the method of close reading shows that nowhere in the textbook does it explicitly say that Byzantium is somehow connected with the Roman Empire and Christianity, it is not indicated that the Byzantines, Greeks and Romans are one and the same, the self-designation of Byzantium is not given. So, the image of Byzantium in the new textbook of Russian history was created on the basis of European historical cliches of the XVIII–XIX centuries, the importance of Byzantine culture for Russia is not revealed, Byzantium is not shown as the paradigmatic center of Christian civilization.

Кириллов Андрей Александрович / Andrey A. Kirillov

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, доцент, научный сотрудник, канд. филос. наук / Southern Federal University, Rosotv-on-Don, Russia, Associate Professor, Research Fellow, CSc in Philosophy

Сценарии конструирования византийского наследия

В докладе предлагается рассмотрение ряда вопросов, формирующих дискуссию вокруг проблемы «Византизм и Россия». сюжетным оформлением выступает последовательность разбора описательных конструктов, введенных в оборот Д.Д. Оболенским – «Византийское содружество», концепция «культурных даров Византии», представленная Б.Х. Самнером. Особое внимание уделяется анализу перспективности использования данных концептуальных построений и применимость их к российской культурной среде. В тексте рассматривается перспектива исследования особенностей восточно-христианской цивилизации на основе терминологического конструкта – «византийское наследие» и «пост-Византия». Вопрос о природе и специфике «пост-византийской реальности» формулируется посредством актуализации в культурном поле социального и исторического воображения, лежащего в основе научных, философских и литературных представлений о «византийской реальности». Уделяется особое внимание «литературной фазе» или «книжному интересу», формирующему последовательность конструирования в историческом воображении представление о «византийском наследии».

Scenarios for the construction of the Byzantine heritage

The report suggests consideration of a number of issues shaping the discussion around the problem of “Byzantism and Russia”, the plot design is the sequence of analysis of descriptive constructs introduced by D.D. Obolensky – “The Byzantine Commonwealth”, the concept of “cultural gifts of Byzantium”, presented by B.H. Sumner. Particular attention is paid to the analysis of the prospects of using these conceptual constructions and their applicability to the Russian cultural environment. The text considers the prospect of studying the features of Eastern Christian civilization on the basis of a terminological construct – “Byzantine heritage” and “post-Byzantium”. The question of the nature and specifics of the “post-Byzantine reality” is formulated through the actualization in the cultural field of the social and historical imagination underlying scientific, philosophical and literary ideas about the “Byzantine reality”. Special attention is paid to the “literary phase” or “book interest”, which forms the sequence of constructing the idea of the “Byzantine heritage” in the historical imagination.

Ульянов Олег Германович / Oleg G. Ulyanov

Высшая школа культурологии, Москва, Россия, профессор, академик Российской Академии Художеств и Российской Академии Естествознания, доктор историч. наук / Higher School of Cultural Studies, Moscow, Russia, Professor, Academician of the Russian Academy of Arts and of the Russian Academy of Natural Sciences, DSc in History

«Москва – Третий Рим» в современном научном дискурсе

В современной науке не смолкают дискуссии о происхождении формулы «Москва – Третий Рим» и её генезисе, являлась ли она автохтонной или была привнесена извне. Культурная диффузия в эпоху государя Ивана III, несомненно, послужила основой для трансформации общественного сознания и рецепции новых социальных постулатов из политической идеологии Византии. Разноречивость мнений находит своё отражение во множестве дефиниций, находящихся во взаимном противоречии и чуждых своему социальному источнику (теория, концепт etc. «старца Филофея»). Идеологема «Москва – Третий Рим» приобретает все новые коннотации по мере её дальнейшего изучения, и разнообразие её историографических интерпретаций всецело зависит не только от политической конъюнктуры, но и компетентности тех или иных исследователей. Сугубо текстологический подход, связанный с буквальным упоминанием «Москвы – Третьего Рима», во многом расходится с комплексным источниковедением и образцами визуализации сугубо словесной формулы (*officium stratoris* и чин «шествия на осляти»). Гетерогенность социально-политической ситуации на Руси явилась доминантой в генезисе идеи византийского наследия (*translatio imperii*) под знаком нарождающегося московского мессианства.

“Moscow, third Rome” in the modern scientific discourse

In modern science, discussions continue about the origin of the formula “Moscow, third Rome” and its genesis, whether it was autochthonous or was introduced from the outside. Cultural diffusion in the era of Emperor Ivan III undoubtedly served as the basis for the transformation of public consciousness and the reception of new social postulates from the political ideology of Byzantium. The diversity of opinions is reflected in a variety of definitions that are in mutual contradiction and alien to their social source (theory, concept, etc. of “Elder Philotheus”). The ideologeme “Moscow, third Rome” acquires more and more new connotations as it is further studied, and the variety of its historiographic interpretations entirely depends not only on the political situation, but also on the competence of certain researchers. A purely textual approach associated with the literal mention of “Moscow, third Rome” is in many respects at odds with complex source studies and examples of visualization of a purely verbal formula (officium stratoris and the rite of “procession on a donkey”). The heterogeneity of the socio-political situation in Rus’ was the dominant factor in the genesis of the idea of the Byzantine heritage (translatio imperii) under the sign of the emerging Muscovite messianism.

Даниш Мирослав / Miroslav Danis

Университет Коменского в Братиславе, Братислава, Словакия, профессор, PhD in History / Comenius University in Bratislava, Bratislava, Slovakia, Associate Professor, PhD in History

Словацкая и чешская историография о месте и роле теории «Москва – третий Рим» в контексте интерпретации русской истории

Представленная статья посвящена интерпретации в словацкой и чешской историографии вопросов русской истории конца XV–XVI вв., когда в политическом дискурсе была заявлена теория «Москва – третий Рим». Эта идея была сформулирована в 1520-е гг. монахом псковского монастыря Филофеем, став одной из наиболее привлекающих историков проблем русской средневековой истории. И хотя данный концепт во время своего появления не привлек к себе значительного внимания, с 19 века до настоящего времени он остается в центре исследовательского интереса многих историков, философов, теологов и политологов. В российской и зарубежной историографии представлены самые различные аспекты интерпретации идеи «Москва – третий Рим». В чешской историографии все выдающиеся историки-русисты выразили свое отношение к ней (особенно Ярослав Бидло, Йозеф Мацурек, Павел Бочек). Среди словацких ученых необходимо, прежде всего, упомянуть имена Александра Авенариуса и Яна Шафина. Поскольку в межвоенный период на территории Чехословакии находился ряд выдающихся русских историков, многие из них в своих трудах также затрагивали рассматриваемую нами проблематику (например, Павел Николаевич Милуков, Евгений Перфецкий, Валерий Вилинский).

Slovak and Czech historiography on the role of the "Moscow, third Rome" theory in the context of the interpretation of Russian history

The presented study deals with the issues of Russian history in the context of Slovak and Czech historiography of the late 15th and 16th century, when the theory of “Moscow, third Rome” was very present in the political discourse. This idea, formulated by Philofey, a monk of the Pskov monastery in the 1620s, is one of the most well-known and problematic issues of Russian medieval history. Although it did not attract much attention at the time of its creation, since the 19th century it has become a field of inquiry for many historians, philosophers, theologians, and political scientists in the scientific world. The interest of the scholars in the interpretation of this concept has persisted to this day. In the course of exploration of this theory, it has manifested itself in several contexts and forms in both Russian and foreign historical science. In Czech historiography, almost all renowned historians who have dealt with the history of Russia have commented on this concept (especially Jaroslav Bidlo, Josef Macůrek, Pavel Boček). In Slovakia it was mainly Alexander Avenarius and Ján Šafin. Since a number of prominent Russian historians, active in Czechoslovakia during the interwar period, also dealt with the issue of the concept “Moscow, third Rome” (e.g. Pavel Nikolayevich Milyukov, Eugen Perfetsky, Valery Vilinsky, for example).

Ляшко Илья Анатольевич / Ilya A. Lyashko

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, Санкт-Петербург, Россия, преподаватель; Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия, старший научный сотрудник, канд. филос. наук / Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, St. Petersburg, Russia, Lecturer; Sociological Institute of FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia, Senior Researcher, CSc in Philosophy

Древнерусская икона с диалектико-материалистической точки зрения М.А. Лифшица⁶

В 1938 г. теоретик искусства, философ Михаил Александрович Лифшиц провёл лекцию для сотрудников Третьяковской галереи, в которой дал высокую оценку древнерусской иконе с диалектико-материалистической позиции. В докладе будет представлена методологическая основа, стоящая за эстетической теорией Лифшица и сделавшая возможным отношение к иконе, выраженное в этой лекции. Будет показано, что глубокое понимание достижений истории классической философии позволяет мыслителю быть непредвзятым в оценке эстетического элемента религиозного наследия. Делается вывод о предпосылках продуктивной рецепции христианского наследия в рамках линии недогматического диалектического материализма, развивающегося в Советском Союзе.

Russian icon from the dialectical-materialist point of view of M.A. Lifshits

In 1938 the art theorist and philosopher Mikhail Aleksandrovich Lifshits gave a lecture to the staff of the Tretyakov Gallery, in which he praised Russian icons from a dialectical-materialist position. The report will present the methodological basis behind Lifshits's aesthetic theory that made possible the attitude to the icon expressed in his lecture. It will be shown that a deep understanding of the achievements of the history of classical philosophy allows the thinker to be unbiased in his evaluation of the aesthetic element of the religious heritage. It will be concluded that the prerequisites for a productive reception of the Christian heritage within the line of non-dogmatic dialectical materialism developing in the Soviet Union.

Сухорукова Ольга Александровна / Olga A. Sukhorukova

Московский городской педагогический университет, Москва, Россия, доцент, канд. историч. наук / Moscow City University, Moscow, Russia, Associate Professor, CSc in History

Византизм и российская цивилизация: к вопросу о наследовании Россией византийской традиции.

Доклад ориентирован на освещение понятия «византизм» в отечественной историософии. Автор рассматривает историю появления «византизма», его понимание в контексте политического и религиозного толкования. Используя разнообразный круг источников, начиная с XIX в. по XX вв., основное внимание автор уделяет работам И. Мейендорфа, Г. Флоровского, С. Аверинцева. У каждого автора существует свой особый взгляд на византийскую традицию, ее значение и ее роль в социокультурном развитии российской цивилизации, но в зависимости от исторического периода, взглядов и представлений мыслителя, это наследие определяется по-разному. Леонтьев рассматривает византизм, определяя его как особый тип культуры через противопоставление его всеславянству. И. Мейендорф и С. Аверинцев обращают внимание на религиозно-политическую преемственность между Византией и Россией. Г. Флоровский сосредоточен на богословской проблеме взаимодействия двух цивилизаций. В докладе рассматривается общее и особенное в отечественной историософии по

---

⁶ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00883 «Социально-философская рецепция христианства в контексте постсекулярной культуры второй половины XX – начала XXI веков» (Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук) <https://rscf.ru/project/24-28-00883/>

The study was funded by the grant of the Russian Science Foundation, project No. 24-28-00883 “Social and philosophical reception of Christianity in the context of postsecular culture of the second half of the 20th -- beginning of the 21st centuries” (Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences) <https://rscf.ru/en/project/24-28-00883/>

проблеме византийского наследия в России, и то, какую роль сыграло это наследие в становлении и развитии Российского государства.

Byzantism and Russian Civilization: On the Issue of Russia's Inheritance of the Byzantine Tradition.

The report is aimed at highlighting the concept of "Byzantism" in Russian historiography. The author examines the history of the emergence of "Byzantium", its understanding in the context of political and religious interpretation. Using a diverse range of sources, from the 19th century to the 20th centuries, the author pays special attention to the works of I. Meyendorff, G. Florovsky, S. Averintsev. Each author has his own special view of the Byzantine tradition, its significance and its role in the socio-cultural development of Russian civilization, but depending on the historical period, the views and ideas of the thinker, this heritage is defined in different ways. Leontiev considers Byzantism, defining it as a special type of culture through its opposition to the Pan-Slavism. I. Meyendorff and S. Averintsev pay attention to the religious and political continuity between Byzantium and Russia. G. Florovsky focuses on the theological problem of the interaction of two civilizations. The report examines what is common and special in Russian historiography on the problem of the Byzantine heritage in Russia, and what role this heritage played in the formation and development of the Russian state.

Борозенец Тарас Анатольевич / Taras Borozenets

Югорский государственный университет, Ханты-Мансийск, Россия, доцент, канд. филос. наук, канд. богословия / Yugra State University, Khanty-Mansiysk, Russia, Associate Professor, CSc in Philosophy, CSc in Theology

Традиционная православная антропология и гуманистический персонализм

В докладе проводится компаративный анализ традиционной православной антропологии и гуманистического персонализма, которые представляют собой принципиально разнонаправленные мировоззренческие типы понимания человека – теоцентрический и антропоцентрический. Первый исторически является антропологическим выражением византийской цивилизации, второй – западной. Они существенно отличаются как терминологически, так и содержательно. Перспектива их согласования выглядит крайне сомнительной, хотя попытки их примирения продолжают настойчиво предприниматься.

Traditional Orthodox Anthropology and Humanistic Personalism

The report provides a comparative analysis of traditional Orthodox anthropology and humanistic personalism, which represent fundamentally different types of worldview understanding of man – theocentric and anthropocentric. The first is historically an anthropological expression of the Byzantine civilization, the second is a Western one. They differ significantly both terminologically and meaningfully. The prospect of their reconciliation looks extremely doubtful, although attempts to reconcile them continue to be persistently made.

Лученков Иван Романович / Ivan R. Luchenkov

Институт восточных рукописей Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия, аспирант; Филиал Научно-исследовательского и конструкторского института монтажной технологии — Атомстрой в Египте, ведущий специалист / Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia, Postgraduate Student; Research and Design Institute of Mounting Technology – Atomstroy, Branch Office in the Arab Republic of Egypt, Leading Specialist

Сравнительный анализ конфессионального фактора в миграционной политике Российской и Османской империй со второй половины XVIII по вторую половину XIX вв.

Данный доклад посвящен изучению религиозного вопроса в контексте миграционной политики Российской и Османской империй в период между Русско-турецкими войнами 1768–1774 и 1877–1878 гг. Основной проблематикой настоящего исследования является рассмотрение отношений

бюрократических и властных структур к переселенцам, исповедующих государственную религию обозначенных государств – православного христианства и суннитского ислама соответственно. Таким образом мы изучаем вопросы де-факто обмена населением двух империй – греков, болгар и сербов, с одной стороны, а с другой стороны, тюрков и этнически неоднородных мухаджиров. Вопрос армянских и ассирийских переселенцев в Российскую империю, исповедовавших нехалкидонские христианские течения, а также польских и казачьих мигрантов в Османскую империю в рамках этой работы также заслуживает особого внимания. Подводя итог, мы выделяем различия в самом территориальном распределении государствами переселенцев, определявших внутренний политический курс – в малонаселённые регионы Новороссии и Северного Кавказа в случае России, и конфессионально гетерогенные районы Анатолии и Леванта, как это было в Турции.

A Comparative Analysis of the Confessional Factor in the Migration Policy of the Russian and Ottoman Empires from the Second Half of the XVIII to the Second Half of the XIX Centuries.

This report is devoted to the study of the religious issue in the context of the migration policy of the Russian and Ottoman empires in the period between the Russo-Turkish Wars of 1768–1774 and 1877–1878. The main focus of this study is to examine the relations of bureaucratic and governmental structures to migrants who profess the state religion of the designated states: Orthodox Christianity and Sunni Islam, respectively. Thus, one examines the de facto exchange of populations of the two empires: Greeks, Bulgarians and Serbs on the one hand, as well as the Turkic peoples and the ethnically heterogeneous Muhajirs on the other. The case of Armenian and Assyrian migrants to the Russian Empire who practiced non-Chalcedonian Christian movements, as well as Polish and Cossack migrants to the Ottoman Empire, occupies an important place within the framework of the thesis. Subsequently, we emphasize the differences in the very territorial distribution of the settler states that determined the internal political course – to the sparsely populated regions of Novorossiya and the North Caucasus in the case of Russia, and confessionally heterogeneous areas of Anatolia and the Levant, as was the case in Turkey.

Медоваров Максим Викторович / Maksim M. Medovarov

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия, доцент, ведущий научный сотрудник, канд. историч. наук / Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia, Associate Professor, Leading Researcher, CSc in History

Цели, стратегия и тактика внешней политики России на Балканах в представлении дипломата Ю.С. Карцова⁷

Статья посвящена реконструкции системы взглядов русского дипломата, выдающегося мыслителя и мемуариста Ю.С. Карцова на задачи внешней политики России в отношении Османской империи и балканских стран. В качестве источников привлекаются его неопубликованные воспоминания, около десятка опубликованных книг и брошюр, включая его исторические сочинения и художественное творчество по мотивам его биографии. Определен круг государственных деятелей и дипломатов, чье мнение Юрий Карцов считал для себя референтным, включая его известного дядю – дипломата А.Н. Карцова. Проанализированы резкие оценки Ю.Н. Карцовым внешней политики российских государственных деятелей 1860-х – 1910-х гг. Рассмотрены его попытки на протяжении полувека продвигать в министерстве иностранных дел и у императора его собственную концепцию внешней политики России. Ключевым тезисом данной концепции являлся план захвата Босфора при решительном отказе России от продвижения на юг и захвата Дарданелл. Исходя из этой цели, Карцов определял частные задачи русской политики в отношении Сербии и Болгарии, а также последовательно сопротивлялся активной политике на Дальнем Востоке.

---

⁷ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 22-78-10006 «Российское общественное мнение по вопросам внешнеполитического курса России и ее места в международных отношениях (конец XIX — начало XX в.)» (Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского) <https://rscf.ru/project/22-78-10006/>
The study was funded by the grant of the Russian Science Foundation, project No. 22-78-10006 “Public Opinion in Russia on Issues of Foreign Policy and International Relations (Late Nineteenth — Early Twentieth Centuries)” (National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod) <https://rscf.ru/en/project/22-78-10006/>

Goals, Strategy and Tactics of Russian Foreign Policy in the Balkans as Presented by Diplomat Yu.S. Kartsov

The article is devoted to the reconstruction of the system of views of the Russian diplomat, outstanding thinker and memoirist Yu.S. Kartsov on the tasks of Russian foreign policy in relation to the Ottoman Empire and the Balkan countries. The sources used are his unpublished memoirs, about a dozen published books and brochures, including his historical writings and artistic creations based on his biography. The circle of statesmen and diplomats whose opinion Yuri Kartsov considered to be referent for him was identified, including his famous uncle, diplomat A.N. Kartsova. Yu.N. Kartsov's harsh assessments of foreign policy of Russian statesmen of the 1860s – 1910s are analyzed. His attempts over half a century to promote his own concept of Russian foreign policy in the Ministry of Foreign Affairs and the Emperor are examined. The key thesis of this concept was the plan to capture the Bosphorus with Russia's decisive refusal to advance south and capture the Dardanelles. Based on this goal, Kartsov determined the particular tasks of Russian policy towards Serbia and Bulgaria, and also consistently resisted active policy in the Far East.

Бразевич Святослав Станиславович / Svyatoslav S. Brazevich

Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия, профессор, доктор социолог. наук / Saint Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia, Professor, CSc in Sociology

Геополитическая концепция Ф.И. Тютчева

В докладе анализируется геополитическая концепция Ф.И. Тютчева как подлинное воплощение русской национальной идеи. Рассматриваются взгляды мыслителя на обширный круг проблем, касающихся места и роли России в мире. Освещаются вопросы, связанные с пониманием и интерпретацией Ф.И. Тютчевым сущности взаимоотношений между Россией и странами Западной Европы, анализируются его представления о внешнеполитических целях и задачах России. Подчеркивается, что основными принципами внешнеполитической концепции Ф.И. Тютчева стали идеи Державности и Империи, следование которым он воспринимал как залог успехов России на международной арене, как факторы, заставляющие западноевропейские государства взаимодействовать с Россией как с равной силой. Вместе с тем он полагал, что Россия не должна сковывать себя никакими общеевропейскими союзами и договорами, поскольку внутри Европы много противоречий и зачастую подобные соглашения оборачиваются для России крупными поражениями не только в дипломатии, но и в военных конфликтах. Анализ концепции Ф.И. Тютчева позволил сделать вывод о том, что Россия должна следовать собственной внешнеполитической доктрине, главным принципом которой является соблюдение национальных интересов.

Geopolitical concept of F.I. Tyutcheva

The report analyzes the geopolitical concept of F.I. Tyutchev as the true embodiment of the Russian national idea. The thinker's views on a wide range of problems concerning the place and role of Russia in the world are examined. Issues related to the understanding and interpretation of F.I. are covered. Tyutchev the essence of the relationship between Russia and the countries of Western Europe, his ideas about the foreign policy goals and objectives of Russia are analyzed. It is emphasized that the basic principles of the foreign policy concept of F.I. Tyutchev became the ideas of Power and Empire, following which he perceived as the key to Russia's success in the international arena, as factors forcing Western European states to interact with Russia as an equal force. At the same time, he believed that Russia should not shackle itself with any pan-European unions and treaties, since there are many contradictions within Europe and often such agreements turn into major defeats for Russia not only in diplomacy, but also in military conflicts. Analysis of the concept of F.I. Tyutchev allowed us to conclude that Russia must follow its own foreign policy doctrine, the main principle of which is the observance of national interests.

Николаев Николай Юрьевич / Nikolay Yu. Nikolaev

Волжский политехнический институт (филиал) Волгоградского государственного технического университета, Волжск, Россия, доцент, кандидат исторических наук / Volzhsky Polytechnical Institute (branch) of Volgograd State Technical University, Volzhsk, Russia, Associate Professor, CSc in History

А.И. Герцен – между революционным насилием и миротворчеством⁸

В своих публицистических и научных работах Александр Иванович Герцен (1812–1870) рассматривал самые разные сюжеты, актуальные для современного ему общественно-политического развития. В числе самых интересных и противоречивых тем, которые затрагивал известный социалист, были вопросы войны и мира. Значительное внимание Герцена привлекла Крымская война (1853–1856), которую он рассматривал как источник народного мятежа и предпосылку к революции в России. Однако в дальнейшем его взгляды претерпели существенные изменения. К примеру, последующие конфликты в Европе (война Франции и Пьемонта против Австрии 1859 г.) он оценивал как свидетельство человеческого варварства, продолжавшего решать политические проблемы с помощью «дубины и пращи».

В то же время, мыслитель относился к войне прагматично, рассматривая ее как неизменно сопутствующее политогенезу явление. Современная ему международная ситуация, по мнению Герцена, лишь способствовала разжиганию вооруженных конфликтов, а общественные попытки остановить войны он считал бесполезными.

Именно понимание неспособности общественных движений и инициатив остановить рост вооружений и общей военной напряженности стало причиной отказа Герцена участвовать в заседаниях Лиги мира и свободы. Результаты ее работы Герцен оценивал как незначительные. Кроме того, деятельность Лиги мира и свободы стала демонстрацией отличия взглядов на войну Герцена и Бакунина. Если Бакунин рассматривал войну как необходимое средство революционного переустройства общества, то Герцен к концу жизни ратовал за постепенное и гармоничное развитие человечества, без войн и конфликтов.

A.I. Herzen – between revolutionary violence and peacemaking

In his journalistic and scientific works, Alexander Ivanovich Herzen (1812–1870) considered a variety of subjects relevant to his contemporary socio-political development. Among the most interesting and controversial topics that the famous socialist touched upon were issues of war and peace. Herzen's considerable attention was attracted by the Crimean War (1853–1856), which he considered as a source of popular rebellion and a prerequisite for revolution in Russia. However, later his views underwent significant changes. For example, he assessed the subsequent conflicts in Europe (the war of France and Piedmont against Austria in 1859) as evidence of human barbarism, which continued to solve political problems with the help of «clubs and slings».

At the same time, the thinker treated the war pragmatically, considering it as an invariably concomitant phenomenon of politogenesis. The current international situation, according to Herzen, only contributed to the incitement of armed conflicts, and he considered public attempts to stop wars useless.

It was the understanding of the inability of social movements and initiatives to abandon the growth of armaments and general military tension that caused Herzen to refuse to participate in meetings of the League of Peace and Freedom. Herzen assessed the results of her work as insignificant. In addition, the activities of the League of Peace and Freedom became a demonstration of the difference in views on the war between Herzen and Bakunin. If Bakunin considered war as a necessary means of revolutionary reconstruction of society, then by the end of his life Herzen advocated the gradual and harmonious development of mankind, without wars and conflicts.

Комаров Антон Станиславович/ Anton S. Komarov

---

⁸ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01272 «Антивоенные идеи в общественно-политической мысли России во второй половине XIX в.: основные подходы, особенности интерпретации и траектория развития», (Волгоградский государственный технический университет), <https://rscf.ru/project/23-28-01272/>

The study was funded by the grant of the Russian Science Foundation, project No. 23-28-01272 «Anti-war ideas in the socio-political thought of Russia in the second half of the 19th century: main approaches, features of interpretation and development trajectory», (Volgograd State Technical University), <https://rscf.ru/en/project/23-28-01272/>

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, St. Petersburg, Russia, соискатель ученой степени канд. филос. наук / Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russia, applicant for an degree

Русские мыслители-консерваторы XIX–XX вв. о религиозной свободе

В докладе рассматривается проблематика религиозной свободы в русской консервативной философской публицистике XIX–XX вв. Объектом настоящего исследования являются сочинения русских философов, политически ориентированных на консервативную идеологию с целью их концептуального анализа по предмету отношения к вопросам вероисповедной политики Российской империи и идей религиозной свободы. Методологическую основу работы составляет дескриптивный метод и концептуальное моделирование. Последовательно рассматриваются соответствующие заявленному предмету исследования идеи наиболее значимых мыслителей, имеющих своих сторонников и в наше время. Среди них: А.С. Хомяков, М.Н. Катков, Н.Ф. Фёдоров, Л.П. Карсавин, В.В. Розанов, И.А. Ильин, Л.А. Тихомиров, К.П. Победоносцев и др., при этом, исключая из исследования лиц духовного звания, привлечение идей которых потребовало бы иной формат работы. Кроме описательной задачи, исследование призвано проследить генезис и эволюцию проблематики религиозной свободы и соответствующих концепций в рамках историко-философского процесса. По результатам проведённого исследования в рамках заявленной темы показана противоречивость и непоследовательность идей мыслителей консервативного направления политической мысли по отношению к религиозной свободе, утопизм их попыток найти консенсус церковных идей и секулярных тенденций общественного развития.

Russian conservative thinkers of the 19th and 20th centuries on religious freedom

The report examines the issues of religious freedom as presented in Russian conservative philosophical journals of the 19th and 20th centuries. The aim of this research is to analyze the writings of Russian philosophers with a conservative political orientation, in order to understand their attitudes towards issues of religious policy in the Russian Empire and their ideas on religious freedom. The methodological foundation of the issue is descriptive analysis and conceptual modeling. The work consistently examines the ideas of some of the most influential thinkers relevant to the stated field of research, who continue to have a following in contemporary times. Among them: A. Khomyakov, M. Katkov, N. Fedorov, L. Karsavin, V. Rozanov, I. Ilyin, L. Tikhomirov, K. Pobedonostsev, etc., while excluding from the study persons of spiritual rank, the involvement of whose ideas would require a different format of work. In addition to the descriptive aspect, the study seeks to trace the origins and development of the issues surrounding religious freedom and associated concepts within the context of historical and philosophical processes. Based on the findings of the research carried out within the context of the specified topic, it has been demonstrated that there is a lack of coherence and consistency in the ideas of conservative political thinkers regarding religious freedom. Furthermore, the utopian nature of their attempts to reconcile religious and secular perspectives on social development has been highlighted.

Фомин Вячеслав Владимирович / Vyacheslav V. Fomin

Кафедральный Воскресенский собор, Ханты-Мансийск, Россия, священник; НЧОУ ДО «Духовно-просветительский центр», директор / Resurrection Cathedral, Khanty-Mansiysk, Russia, Priest; NPEI AE “Spiritual and Educational Center”, Khanty-Mansiysk, Russia, Director

Исихазм как основа неопатристического синтеза

Идея неопатристического синтеза, согласно о. Георгию Флоровскому, заключается в возврате к Отцам, к их опыту богообщения. Усвоить их опыт можно только если жизнь человека подчинена законам благочестия. В этом случае он может приблизиться к цели своего существования – спасению, которое достигается путём обожения. Средством к обретению обожения является священнобезмолвие, исихазм.

Hesychasm as the basis of neopatristic synthesis

The idea of a neopatristic synthesis, according to Fr. George Florovsky, is to return to the Fathers, to their experience of communion with God. Their experience can be learned only if a person's life is subject to the

laws of piety. In this case, he can approach the goal of his existence – salvation, which is achieved through deification. The means to attain deification is sacred silence, hesychasm.

Машукова Елена Юрьевна / Elena Yu. Mashukova

Военно-космическая академия имени А.Ф. Можайского, Санкт-Петербург, Россия, доцент, канд. филос. наук / Military Space Academy named after A.F. Mozhaisky, St. Petersburg, Russia, Associate Professor, CSc in Philosophy

Маркс и марксизм в рецепции авторов журнала «Новый град»

В докладе рассматривается отношение авторов эмигрантского журнала «Новый град» (1931–1939) к личности Маркса и его учению. Отмечается, что это отношение было в целом отрицательное, за исключением высокой оценки критики Марксом сущности капитализма. Новоградцы считали капитализм «болезнью русской души» и надеялись на его самоизживание, так как, по их мнению, марксизм противоречит всем духовным потребностям личности, и реакция против него «во всяком живом организме рано или поздно наступит» (Г. Федотов). Во-вторых, они делали различие между аутентичным марксизмом и тем, что осуществилось в Советской России. В государственном строе страны Советов нарушался главный тезис Маркса о приоритетном развитии экономики. Советское государство является идиократическим, т.к. в нем все подчинено идеологии. Третий сюжет связан с тем, что разгром культуры, который учинили большевики творился именем Маркса. Но Маркс был одним из самых образованных людей своего времени и точно был далек от культурного упрощенчества. Почему так произошло? Новоградцы полагают, что система Маркса и по своим истокам, и по своей сущности является классическим выражением духа буржуазной цивилизации прежде всего потому, что отрицает духовные основы жизни. Но, невозможно творческое обновление жизни на основе отрицания ее духовных основ. Будущее человечества зависит от того, будет ли связано создание более справедливых обществ с защитой человека как духовного существа (Н. Бердяев).

Marx and Marxism in the reception of the authors of the “Novy Grad”

The report examines the attitude of the authors of the emigrant magazine *Novy Grad* (1931–1939) to the personality of Marx and his teachings. It is noted that this attitude was generally negative, except for a high assessment of Marx's criticism of the essence of capitalism. The Novograd residents considered communism to be a “disease of the Russian soul” and hoped for its self-elimination, since, in their opinion, Marxism contradicts all the spiritual needs of the individual, and a reaction against it “in any living organism will come sooner or later” (G. Fedotov). Secondly, they made a distinction between authentic Marxism and what was realized in Soviet Russia. In the state system of the Soviet country, Marx's main thesis on the priority development of the economy was violated. The Soviet state is idiocratic, because everything in it is subordinated to ideology. The third plot is connected with the fact that the destruction of culture, which the Bolsheviks committed, was created in the name of Marx. But Marx was one of the most educated people of his time and was certainly far from cultural simplicitarianism. Why did this happen? Novograd residents believe that Marx's system, both in its origins and in its essence, is a classic expression of the spirit of bourgeois civilization, primarily because it denies the spiritual foundations of life. But it is impossible to creatively renew life based on the denial of its spiritual foundations. The future of humanity depends on whether the creation of more just societies will be linked to the protection of man as a spiritual being (N. Berdyaev).

Бакунцев Антон Владимирович / Anton V. Bakuntsev

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия, старший научный сотрудник, доцент, канд. филолог. наук / A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, Senior Researcher, Associate Professor, CSc in Philology

К.Д. Бальмонт и И.А. Бунин vs Р. Роллан (1927–1928): конфликт мировоззрений и его подоплека (источниковедческий аспект)⁹

12 января 1928 г. в парижской газете «L’Avenir» были напечатаны открытые письма К.Д. Бальмонта и И.А. Бунина к Р. Роллану. Авторы писем выражали французскому писателю свое негодование по поводу его обращения к народу СССР в связи с 10-летним юбилеем Октябрьской революции. При подготовке комментария к этим открытым письмам было выяснено, что текст обращения Р. Роллана имеет две редакции: одна была опубликована 29 октября 1927 г. в газете «Комсомольская правда», другая, датированная 4 ноября 1927 г., — в книге писателя «Quinze ans de combat» (Пятнадцать лет борьбы; Paris, 1935) и в 13-м томе советского издания его Собрания сочинений (М., 1958). Между тем в научных комментариях к переписке Р. Роллана и М. Горького, Полному собранию сочинений и писем М. Горького, сборнику публицистики 1918–1953 г. И.А. Бунина в качестве текста, вызвавшего гнев двух крупнейших представителей русской литературной эмиграции, ошибочно указывается вторая редакция обращения Р. Роллана.

Цель предлагаемого доклада — внести коррективу в научное представление о причине полемики, получившей большой общественный резонанс как за рубежом, так и в СССР.

Constantin Balmont and Ivan Bunin vs Romain Rolland (1927–1928): the conflict of worldviews and its background (the source aspect)

On January 12, 1928, the Parisian newspaper “L’Avenir” published open letters from K.D. Balmont and I.A. Bunin to R. Rolland. The authors of the letters expressed their indignation to the French writer about his appeal to the people of the USSR in connection with the 10th anniversary of the October Revolution. When preparing the commentary to these open letters, it was found out that the text of R. Rolland’s appeal has two editions: one was published on October 29, 1927 in the newspaper “Komsomolskaya Pravda”, the other, dated November 4, 1927, in the writer’s book “Quinze ans de combat” (“Fifteen Years of Struggle”, Paris, 1935) and in the 13th volume of the Soviet edition of his Collected Works (Moscow, 1958). Meanwhile, in the scientific comments on the correspondence between R. Rolland and M. Gorky, the Complete Collection of works and Letters of M. Gorky, the collection of journalism of 1918–1953 by I. Bunin, the second version of R. Rolland’s appeal is mistakenly indicated as the text that caused the anger of two major representatives of the Russian literary emigration.

The purpose of the proposed report is to correct the scientific understanding of the cause of the controversy, which has received a great public response both abroad and in the USSR.

Гравин Артём Андреевич / Artyom A. Gravin

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия, научный сотрудник; Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия, старший научный сотрудник; Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия, старший научный сотрудник, канд. филос. наук / National Research University — Higher School of Economics, Moscow, Russia, Research Fellow; Sociological Institute of FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia, Senior Researcher; A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, Senior Researcher, CSc in Philosophy

Апологетика и критика диалектической методологии А.Ф. Лосева (Л.А. Гоготишвили, В.В. Бибихин, С.С. Хоружий)¹⁰

---

⁹ Исследование выполнено по гранту в форме субсидии Минобрнауки РФ (проект «Русская и европейская классика в XXI веке: подготовка цифровых научных комментированных изданий», соглашение № 075-15-2024-549 от 23.04.2024 г.).

The work was financially supported by the grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (agreement no. 075-15-2024-549 by April 23, 2024) “Russian and European Classical Texts in the 21st Century: Preparing Digital Academic Editions with Commentaries”.

¹⁰ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00248 «“Антиномическая поэтика” русского символизма: современные концепции и практики анализа», (Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук) <https://rscf.ru/project/24-18-00248/>

В рамках доклада будут рассмотрены и сопоставлены апологетический и критический подходы к диалектической методологии А. Ф. Лосева: «антиметафизические» рецепции С. С. Хоружего и В. В. Библихина, и «лингвистическая» рецепция Л. А. Гоготшвили. Будет показано, что характерной особенностью данных подходов является представление ими диалектики А. Ф. Лосева в качестве одной из модификаций (нео-)платонической онтологии. При этом оба мыслителя приходят к принципиально разным выводам и оценкам этого явления. В связи с этим будут выявлены различия оценок Гоготшвили, Библихина и Хоружего, базирующихся на разном отношении обоих мыслителей к «платонизму» (в широком смысле): прагматическому и критическому. Ввиду причастности троих мыслителей к Кругу Лосева (характер причастности был разным), будет отдельно рассмотрен вопрос о восприятии ими философии А. Ф. Лосева в целом.

В заключение будет сделан вывод о влиянии восприятия Гоготшвили, Библихиным и Хоружим философии мифа и имени Лосева на построение ими самобытных философских проектов.

Apologetics and Criticism of A.F. Losev's Dialectical Methodology (L.A. Gogotishvili, V.V. Bibikhin, S.S. Khoruzhiy)

This report will review and compare apologetic and critical approaches to the dialectical methodology of A.F. Losev: the 'antimetaphysical' receptions of S.S. Khoruzhy and V.V. Bibikhin, and the 'linguistic' reception of L.A. Gogotishvili. It will be shown that the characteristic feature of these approaches is their representation of A.F. Losev's dialectics as one of the modifications of (neo-)Platonic ontology. At the same time, both thinkers come to fundamentally different conclusions and assessments of this phenomenon. In this connection, the differences between the assessments of Gogotishvili, Bibikhin and Khoruzhy will be revealed, based on the different attitudes of the two thinkers to 'Platonism' (in the broad sense): pragmatic and critical. In view of the three thinkers' involvement in the Losev Circle (the nature of their involvement was different), the question of their perception of A.F. Losev's philosophy as a whole will be considered separately.

Finally, a conclusion will be drawn about the influence of Gogotishvili's, Bibikhin's and Khoruzhy's perceptions of the philosophy of myth and the name of Losev on their construction of distinctive philosophical projects.

Тонковидова Анна Викторовна / Anna V. Tonkovidova

Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма, Краснодар, Россия, старший преподаватель / Kuban State University of Physical Education, Sports and Tourism, Krasnodar, Russia, Senior Lecturer

Две традиции постсекулярного миропонимания (философия Ю. Хабермаса и русская религиозная философия первой половины XX века)

В первую очередь обратим внимание на значение термина «постсекулярное общество». Стоит упомянуть, что данное понятие впервые формулируется в трудах Ю. Хабермаса, который транслирует его в свете гегелевского диалектичного миропонимания в традиции своего увлечения неомарксизмом в ранний период творчества. Хабермасом замечается, что в диалектике становления общество может с помощью диалектического мышления, прийти к солидарному способу бытия духа в постсекулярном, то есть интегральном, или солидарном религиозно-светском обществе. Диалектика прослеживается в том, что на первом этапе определяется момент антиномичности, в котором религиозность и секулярность противостоят друг другу. Солидарность же предполагает в постсекулярном обществе диалектическую координацию светского и религиозного, выносимого в сферу индивидуального проживания.

Настоящая проблематика о постсекулярности возникла не на пустом месте. Наша цель – продемонстрировать, что данная дискуссия уже освещалась у русских религиозных философов первой половины XX века (С.Н. Булгакова, Н.А. Бердяева, С.Л. Франка, П.А. Флоренского) причем в измерении перспективного видения общественности, основанной на определенном типе социальности

The study was funded by the grant of the Russian Science Foundation, project No. 24-18-00248 «“Antinomic poetics” of Russian symbolism: modern concepts and analysis practice», (A.M. Gorky Institute of World Literature the Russian Academy of Sciences) <https://rscf.ru/en/project/24-18-00248/>

(религиозной, светской, религиозно-светской), который охватывает общество как определённый тип культуры. Такое перспективное видение можно интерпретировать, в том числе, как зародыш теории постпостсекулярности.

Под социальностью в данном случае мы понимаем, на основании текстов П. Флоренского, Н. Бердяева, С. Булгакова, С.Л. Франка взаимоотношения, возникающие в рамках взаимодействия человека, общества, государства, Церкви, Бога, определяющие формирование личности. Основание данного взаимодействия, его непереносимое условие — это соборность, раскрывающаяся в социальности через деятельность личности. Понятие соборности осуществляется, проходя логико-исторические этапы своего диалектического становления (религиозная, светская и религиозно-светская). Соборность на уровне религиозно-светской социальности присутствует в настоящем социальной реальности, возникает Богочеловечество. Нет изолированных светскости и религиозности. А есть единый диалектический процесс становления соборности.

Two traditions of post-secular worldview (philosophy of J. Habermas and Russian religious philosophy of the first half of the twentieth century)

First of all, let us pay attention to the meaning of the term “postsecular society”. It is worth mentioning that this concept was first formulated in the works of J. Habermas, who translates it in the light of Hegel’s dialectical worldview (in the tradition of his passion for neo-Marxism in the early period of his creativity). Habermas notes that in the dialectics of formation, society can, with the help of dialectical thinking, come to a solidary way of being of the spirit in a post-secular, that is, integral, or solidary religious-secular society. The dialectic can be traced in the fact that at the first stage the moment of antinomy is determined, in which religiosity and secularity oppose each other. Solidarity presupposes in a post-secular society a dialectical coordination of the secular and religious, brought into the sphere of individual living. The real problematic of postsecularity did not arise out of nowhere. Our goal is to demonstrate that this discussion has already been covered by Russian religious philosophers of the first half of the twentieth century (S.N. Bulgakov, N.A. Berdyayev, S.L. Frank, P.A. Florensky) and in terms of the perspective vision of the public, based on a certain type of sociality (religious, secular, religious-secular), which embraces society as a certain type of culture. Such a promising vision can be interpreted, among other things, as the embryo of the theory of post-postsecularity. In this case, we understand sociality, based on the texts of P. Florensky, N. Berdyayev, S. Bulgakov, S. Frank, relationships that arise within the framework of the interaction of man, society, state, Church, God, which determine the formation of personality. The basis of this interaction, its indispensable condition, is sobornost, which is revealed in sociality through the activity of the individual. The concept of sobornost is realized by going through the logical-historical stages of its dialectical formation (religious, secular and religious-secular). Conciliarity at the level of religious-secular sociality is present in the present social reality, God-manhood arises. There are no isolated secularism and religiosity. But there is a single dialectical process of the formation of sobornost.

Цветкова Наталия Борисовна / Natalia B. Tsvetkova

Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия, соискатель ученой степени канд. полит. наук / Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS, Moscow, Russia, applicant for an degree

Современные цивилизационные процессы в социально-культурной среде России

В докладе предлагается научный обзор изучения истории развития и эволюции цивилизаций. Сравнительным анализом цивилизаций занимались многие известные ученые, среди которых: Н.Я. Данилевский, П. Сорокин, М.Л. Титаренко, М. Вебер, Э. Дюркгейм, О. Шпенглер, А. Тойнби, А. Вебер, И. Валлерстайн, С. Хантингтон и многие другие. Политическое устройство цивилизации может быть разным. В современном мире цивилизации как правило включают в себя несколько государств. Однако сегодня мировые цивилизации проходят период конфликтов. Конфликты, которые ранее протекали внутри одной цивилизации сейчас заменяются столкновениями между цивилизациями с их культурами и религиями. Ученые выделяют православную цивилизацию с центром в России, которая имеет византийские корни и след татарского ига. К концу X–XI вв. у нее сформировались основные социокультурные и территориальные основы. Особое значение имели южные территории Восточной Европы. В предлагаемом докладе разбирается актуальный вопрос современных изменений в социально-культурной среде России, связанный с утверждением Указа Президента России от 08.05.2024 No 314 «Об

утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения».

Modern civilizational processes in the socio-cultural environment of Russia

The report provides a scientific overview of the history of civilizations development and evolution. Many famous scientists have been engaged in comparative analysis of civilizations, among them: N.Y. Danilevsky, P. Sorokin, M.L. Titarenko, M. Weber, E. Durkheim, O. Spengler, A. Toynbee, A. Weber, I. Wallerstein, S. Huntington and many others. The political structure of a civilization can be different. In the modern world, civilizations usually include several states. However, today the world's civilizations are going through a period of conflict. Conflicts that previously took place within one civilization are now being replaced by clashes between civilizations with their cultures and religions. Scientists identify an Orthodox civilization centered in Russia, which has Byzantine roots and traces of the Tatar yoke. By the end of the X–XI centuries, it had formed the basic socio-cultural and territorial foundations. The southern territories of Eastern Europe were of particular importance. The proposed report examines the topical issue of modern changes in the socio-cultural environment of Russia, related to the approval of the Decree of the President of Russia dated May, 08 2024 No. 314 “On the approval of the Foundations of the State policy of the Russian Federation in the field of historical education”.

Европейская мысль от Нового времени к Модерну и ее рецепции в России

Протопопов Иван Алексеевич / Ivan A. Protopopov

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия, доцент; Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, Санкт-Петербург, Россия, доцент; Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия, старший научный сотрудник, канд. филос. наук / Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia, Associate Professor; Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, St. Petersburg, Russia, Associate Professor; Sociological Institute of FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia, Senior Researcher, CSc in Philosophy

Проблема зла в философии Канта¹¹

В докладе рассматривается проблема происхождения зла, свойственного человеческой природе в соотнесении с основополагающим понятием свободы, которая исследуется Кантом в его поздней работе «Религия в пределах только разума». Главную причину зла и злых поступков человека Кант находит в отличие от положений «Критики практического разума» в таком расположении к нему, которое изначально заложено в каждом человеке как источнике морально злых максим. Заложенное в каждом человеке как разумном субъекте основание морального зла представляет собой субъективное основание осуществления его свободы, выражающее себя в правиле, которое наша воля устанавливает для себя в противоположность правилам, следующим из всеобщего нравственного закона. В докладе показывается, что Кант мыслит противоположность добра и зла радикальным образом, но понимает зло вовсе не как отсутствие или простое отрицание добра, но определяет его в виде некоего положительного основания нашего произволения, противоположного основанию добра.

The Problem of Evil in Kant's Philosophy

---

¹¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00883 «Социально-философская рецепция христианства в контексте постсекулярной культуры второй половины XX – начала XXI веков» (Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук) <https://rscf.ru/project/24-28-00883/>

The study was funded by the grant of the Russian Science Foundation, project No. 24-28-00883 “Social and philosophical reception of Christianity in the context of postsecular culture of the second half of the 20th -- beginning of the 21st centuries” (Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences) <https://rscf.ru/en/project/24-28-00883/>

The report examines the problem of the origin of evil inherent in human nature in relation to the fundamental concept of freedom, which is explored by Kant in his later work "Religion within Reason alone". Unlike the provisions of the Critique of Practical Reason, Kant finds the main cause of evil and evil deeds of man in such an attitude towards him, which is originally inherent in every person as a source of morally evil maxims. The foundation of moral evil inherent in every human being as a rational subject is a subjective foundation for the exercise of his freedom, expressing itself in a rule that our will establishes for itself in contrast to the rules following from the universal moral law. The report shows that Kant thinks the opposite of good and evil in a radical way, but understands evil not at all as the absence or simple negation of good, but defines it as a kind of positive basis of our arbitrariness, opposite to the basis of good.

Кузин Иван Владиленович / Ivan V. Kuzin

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, доцент, доктор филос. наук
/ Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, Associate Professor, DSc in Philosophy

Евгений Анатольевич Маковецкий / Eugene A. Makovetsky

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, доцент, доктор филос. наук
/ Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, Associate Professor, DSc in Philosophy

Иррациональные принципы морального закона (необходимые дополнения к кантовской этической системе)

В докладе рассматривается экзистенциальная проблематика, возникающая в связи с некоторыми этически неоднозначными жизненными ситуациями. Подобного рода неоднозначность явно дает о себе знать в ходе анализа и интерпретации моральной философии И. Канта. Согласно формуле категорического императива, если человек хочет быть признан свободным и нравственным существом, его действия всегда и без каких-либо оговорок должны воплощать требования императива. Однако конкретика жизни противится признавать убедительность формального мотива к совершению действия, теоретически обоснованного Кантом как морально правильного. Более того, категорическое требование применения морального закона в реальном, а не теоретическом, опыте жизни может получить этическую же негативную оценку. Рационально справедливые выводы, к которым Кант приходит при построении теории этики, на уровне практической этики в одночасье могут превращаться в свидетельство нравственной неупорядоченности, черствости и безразличия. Тем самым обозначается существенная проблема – как при столкновении с конкретным содержанием жизни продолжать сохранять лояльность к поступкам, совершаемым исключительно на основе формальных принципов, не допускающих снисхождения и милосердия? С одной стороны, дедукция формы категорического императива показывает необходимость считать нравственным только такой поступок, который управляется строгим требованием соблюдать букву закона, приверженность которому и будет наполнять форму моральным содержанием. Однако, с другой стороны, само это содержание в реальных обстоятельствах жизни оказывается столь формальным, что лишается в человеческих отношениях хоть какое-нибудь значимого содержания. Правильность формально обоснованного поступка обнаруживает свою бессодержательность и экзистенциальную непродуктивность, удерживаясь в своей актуальности только на формальном уровне. Решение описанного здесь парадокса, которое не позволит отказаться от кантовской максимы в силу ее частичной жизненной непродуктивности, состоит в дополнении кантовской рационально выстроенной этической системы иррациональными принципами, среди которых можно выделить принципы «живого тела» (соприсутствие рядом) (основания для введения этого принципа аналогичны основаниям введения юридического принципа habeas corpus) и принцип прощения.

Irrational Principles of the Moral Law (necessary additions to the Kantian ethical system)

The report examines existential issues that arise in connection with some ethically ambiguous life situations. This kind of ambiguity clearly makes itself felt in the course of the analysis and interpretation of the moral philosophy of I. Kant. According to the formula of the categorical imperative, if a person wants to be recognized as a free and moral being, his actions must always and without any reservations embody the requirements of the imperative. However, the specifics of life refuse to recognize the persuasiveness of the formal motive for

performing an action, theoretically justified by Kant as morally correct. Moreover, the categorical demand for the application of the moral law in real, rather than theoretical, life experience can receive an ethically negative assessment. Rationally just conclusions that Kant comes to when constructing a theory of ethics, at the level of practical ethics can overnight turn into evidence of moral dishonesty, callousness and indifference. This identifies a significant problem - how, when faced with the specific content of life, can we continue to remain loyal to actions performed solely on the basis of formal principles that do not allow for leniency and mercy? On the one hand, the deduction of the form of the categorical imperative shows the need to consider moral only such an act that is guided by the strict requirement to comply with the formality of the law, adherence to which will fill the form with moral content. However, on the other hand, this content itself in real life circumstances turns out to be so formal that it is deprived of at least some meaningful content in human relations. The correctness of a formally justified act reveals its emptiness and existential unproductivity, maintaining its relevance only at the formal level. The solution to the paradox described here, which will not allow one to abandon the Kantian maxim due to its partial vital unproductivity, consists in supplementing the Kantian rationally constructed ethical system with irrational principles, among which one can highlight the principle of the living body (co-presence nearby) and the principle of forgiveness.

Шевцов Александр Викторович / Alexandr V. Shevtsov

Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет), Москва, Россия, доцент, канд. филос. наук / Moscow aviation institute (national research university), Moscow, Russia, Associate Professor, CSc in Philosophy

О задачах и методе диалектики как условиях человеческого мышления в учении Л.Г. фон Якоба о всеобщей логике.

В докладе продолжает рассматриваться логическое учение Людвиг Генриха фон Якоба (1759–1827), немецкого философа и логика времени немецкого Просвещения. Предметом рассмотрения здесь вновь будет изучение еще малоизученного в русской философии крупного сочинения Якоба «Начертание всеобщей логики и критические начала всеобщей метафизики» (1788). Нас здесь будет интересовать вторая третья части этой работы Якоба, посвященные соответственно логическому учению о методе и диалектике, как центральному пункту учения Якоба о методе мышления. Как было показано ранее, это сочинение Якоба должно было продемонстрировать методику не только правильного мышления, но и систему точного мышления. Поэтому Якоб и делает из философии науку, ядром которой должна стать логика, но которая будет современной (для конца XVIII века), а поэтому она должна использовать символы и знаки из математики, и которые в данной логике будут обозначать значения понятий. Такую капитальную систему логики Якоб назвал диалектикой. Отмечаем, что диалектика Якоба была непохожей на диалектику, например, Гегеля, но Якобом в ней уже были показаны определенные способы порождения мышления. В исследовании изучается и доказывается, что Л.Г. фон Якоб видел в своем методе диалектики условия человеческого мышления, но сам этот метод должен строится на основе логического сорита, или гипотетических рассуждений, которые наиболее естественно отображают сложность мышления. Вновь в статье подчеркивается, что Л.Г. фон Якоб был собеседником И. Канта и с 1807 по 1816 гг. он жил и работал в Российской империи.

On the tasks and method of dialectics as conditions for human thinking in the teachings of L. H. von Jakob on universal logic.

The report continues to examine the logical teachings of Ludwig Heinrich von Jakob (1759–1827), the German philosopher and the logic of the German Enlightenment. The subject of consideration here will again be the study of Jakob's major work, still poorly studied in Russian philosophy, "The Outline of Universal Logic and the Critical Principles of Universal Metaphysics" (1788). We will be interested here in the second third part of this work of Jakob, devoted respectively to the logical doctrine of method and dialectics, as the central point of Jakob's doctrine of method of thinking. As previously shown, this writing by Jakob was supposed to demonstrate a technique of not only correct thinking, but also a system of accurate thinking. Therefore, Jakob makes science out of philosophy, the core of which should be logic, but which will be modern (for the end of the 18th century), and therefore it should use symbols and signs from mathematics, and which in this logic will denote the meanings of concepts. Jakob called such a capital system of logic dialectics. We note that Jakob's dialectics were unlike Hegel's dialectics, for example, but Jakob already showed certain ways of generating

thinking. The study examines and proves that L. H. von Jakob saw in his method of dialectics the conditions of human thinking, but this method itself should be built on the basis of logical sorite, or hypothetical reasoning, which most naturally reflects the complexity of thinking. Again, the article emphasizes that L. H. von Jakob was the interlocutor of Immanuel Kant and from 1807 to 1816 he lived and worked in the Russian Empire.

Алёткин Виталий Александрович / Vitaliy A. Alyetkin

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, магистрант / Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, Master's Student

Феноменологический путь к философии в учении И.Г. Фихте

Доклад выявляет и анализирует определенность феноменологического пути, который необходимо пройти для начала вхождения в процесс постижения предмета философии, как его понимает Фихте. Начав с простого отрицания опыта, абстрагирования от него, немецкий мыслитель в конечном счете приходит к осознанию необходимости постепенного снятия опыта как формы мышления на пути к пониманию наукоучения. Подобное снятие имеет определенную стадильность, суть которой можно проследить, исследуя пять форм отношения к предмету познания. Помимо этого, важным условием постижения философского предмета, согласно Фихте, становятся умение любить и мужество. При этом сами эти качества могут быть пробуждены в субъекте посредством способа, называемого Фихте призывом – действием, обращенным к человеку и имеющим неприродную причинность. В своих работах Фихте также затрагивает определенные способы обращения с произведениями искусства и иными нехудожественными текстами. Весь же феноменологический путь имеет свое логическое основание в принципе философии немецкого мыслителя, суть которого также выражается в работе.

The phenomenological path to philosophy in the teachings of J.G. Fichte

The report reveals and analyzes the certainty of the phenomenological path that must be taken to begin entering the process of comprehending the subject of philosophy, as Fichte understands it. Starting with a simple denial of experience, abstracting from it, the German thinker ultimately comes to the realization of the need for a gradual removal of experience as a form of thinking on the path to understanding the science of knowledge. Such removal has a certain stage, the essence of which can be traced by examining the five forms of attitude to the subject of knowledge. In addition, an important condition for comprehending the philosophical subject, according to Fichte, is the ability to love and courage. At the same time, these qualities themselves can be awakened in the subject through a method called by Fichte an appeal – an action addressed to a person and having an unnatural causality. In his works, Fichte also touches on certain ways of dealing with works of art and other non-fiction texts. The entire phenomenological path has its logical basis in the principle of the philosophy of the German thinker, the essence of which is also expressed in the work.

Евлампов Федор Игоревич / Fedor I. Evlampiev

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, студент / Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, student

Идея динамического первоначала в философии Фихте

На протяжении большей части истории философии доминировали представления о первоначале, заложенные ещё Парменидом в его поэме «О природе». Они заключались в том, что первоначало представляет собой извечное, сплошное и неподвижное бытие, тогда как всё становление, наблюдаемое в мире, происходит лишь из несовершенства нашего познания, неспособного сразу понять истину. Несмотря на отдельные дополнения и изменения, вводимые последующими мыслителями, в целом это схема оставалась неизменной. Однако с определённого момента в философии начинаются попытки объяснить движение из самого первоначала, сделав его одним из ключевых свойств Абсолюта. Первым, кто предпринял последовательную попытку сделать это, стал Иоганн Готтлиб Фихте. В «Основе общего наукоучения» он говорит о первоначале как «дело-действию», то есть чистой деятельности, в

которой первоначально порождает само себя. Таким образом, он заложил основу для принципиально нового понимания первоначала, которое затем развивалось в рамках неклассической философии.

The idea of a dynamic principle in Fichte's philosophy

For most of the history of philosophy, the ideas of the origin, laid down by Parmenides in his poem "On Nature", dominated. They consisted in the fact that the original is an eternal, continuous and immobile being, whereas all the becoming observed in the world comes only from the imperfection of our cognition, unable to immediately understand the truth. Despite some additions and changes introduced by subsequent thinkers, in general this scheme remained unchanged. However, from a certain point in philosophy, attempts begin to explain movement from the very beginning, making it one of the key properties of the Absolute. The first to make a consistent attempt to do this was Johann Gottlieb Fichte. In the "Basis of General Science" he speaks of the original as a "deed-action", that is, pure activity in which the original generates itself. Thus, he laid the foundation for a fundamentally new understanding of the original, which then developed within the framework of non-classical philosophy.

Тимофеев Александр Иванович / Aleksander I. Timofeev

Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения, Санкт-Петербург, Россия, профессор, доктор филос. наук / St. Petersburg State University of Film and Television, St. Petersburg, Russia, Professor, DSc in Philosophy

Проблема научного анализа искусства в эстетике Гегеля

Гегель стремился построить философию искусства как системное научное знание. В науке существуют два уровня рассмотрения предмета науки: эмпирический и теоретический. Для того, чтобы данное знание представляло из себя науку, оно должно включать в себя теоретическую модель, на основе которой эмпирический материал становится системным знанием. Возможность существования философского знания в облике научной системы была обоснована Гегелем в его «Феноменологии духа». В дальнейшем он стремился строить свои работы именно как научное знание.

Исходя из этого выявляются два пути научного исследования. Первый – это эмпирический путь характерный для искусствознания. Что касается теоретических достижений на этом пути, то речь может идти, говоря современным языком, лишь об уровне эмпирических обобщений, теорий, которые имеют вероятностный характер.

Специфику противоположного теоретического подхода к изучению искусства Гегель анализирует на примере учения Платона об идеях. Идеи – это некоторые умозрительные конструкции, идеальные модели как результат размышлений теоретика о сущности предметов и сущностных отношениях. Идеи здесь рассматриваются как чистые бессодержательные формы вне связи с эмпирическим содержанием. Критерием истинности таких форм является непротиворечивость.

Идея может быть абстрактной как в философии Платона и вне отношения с реальностью. Но если идея понимается в связи с деятельностью, то раскрытие характера ее отношения с реальностью становится необходимым. Если этот характер выявлен, тогда идея становится конкретной. Поэтому Гегель и считает необходимым соединить в некоторую целостность эмпирический и теоретический подходы к рассмотрению искусства. Истина при этом подходе будет иметь синтетический характер.

The problem of scientific analysis of Art in Hegel's Aesthetics

Hegel sought to build the philosophy of art as a systematic scientific knowledge. In science, there are two levels of consideration of the subject of science: empirical and theoretical. In order for this knowledge to be a science, it must include a theoretical model on the basis of which empirical material becomes systemic knowledge. The possibility of the existence of philosophical knowledge in the guise of a scientific system was justified by Hegel in his "Phenomenology of the Spirit". In the future, he sought to build his work precisely as scientific knowledge.

Based on this, two ways of scientific research are identified. The first is an empirical path characteristic of art studies. As for the theoretical achievements along this path, we can talk, in modern terms, only about the level of empirical generalizations, theories that are probabilistic in nature.

Hegel analyzes the specifics of the opposite theoretical approach to the study of art using the example of Plato's teaching about ideas. Ideas are some speculative constructions, ideal models as a result of the theorist's reflections on the essence of objects and essential relationships. Ideas are considered here as pure meaningless forms without connection with empirical content. The criterion of the truth of such forms is consistency. An idea can be abstract both in Plato's philosophy and out of relation to reality. But if an idea is understood in connection with an activity, then revealing the nature of its relationship with reality becomes necessary. If this character is revealed, then the idea becomes concrete. Therefore, Hegel considers it necessary to combine empirical and theoretical approaches to the consideration of art into a certain integrity. The truth in this approach will have a synthetic character.

Паткуль Андрей Борисович / Andrei B. Patkul

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, доцент; Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия, доцент; Европейский университет в Санкт-Петербурге, Россия, доцент, канд. филос. наук / Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, Associate Professor; The Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia, Associate Professor; European University at Saint Petersburg, Russia, Associate Professor, CSc in Philosophy

Статус истории философии у Канта и Хайдеггера

В докладе будет представлена реконструкция понимания места истории философии в конституции философии как таковой у И. Канта и М. Хайдеггера. Свою «Критику чистого разума» Кант завершает главой «История чистого разума», указывая на то, что для такой истории имеется необходимое место в архитектонике чистого разума. Впрочем, у самого Канта история философии — до тех пор, пока не будет разработана философия как таковая — служит, скорее, культивации самостоятельного применения разума на материале предшествующих опытов такого применения, т.е. философствования. Структурно похожую концепцию соотношения философии и истории философии предлагает Хайдеггер, но он ориентируется уже не на применение разума, а на исполнение экзистенции философствующего. В таком случае философствование предполагает перенятие возможностей быть уже сбывшихся философов каждым философствующим как собственных способностей быть. Таким образом, и у Канта, и у Хайдеггера отношение философии к истории философии устанавливается через понятие философствования, которое связано (1) с самостоятельностью (применения разума у Канта и собственностью экзистенции у Хайдеггера) и (2) конечностью (разума у Канта и экзистенции у Хайдеггера).

Status of the History of Philosophy in Kant and Heidegger

In my talk, I present a reconstruction of the understanding of the place of the history of philosophy in the constitution of philosophy as such in I. Kant and M. Heidegger. Kant concludes his *Critique of Pure Reason* with the chapter *History of Pure Reason*, pointing out that such a history has a necessary place in the architectonics of pure reason. However, for Kant himself, the history of philosophy - until philosophy as such will be not accomplished - serves, rather, to cultivate the independent use of reason based on the material of previous experiences of such an use, i.e. of philosophizing. Heidegger offers a structurally similar concept of the relationship between philosophy and the history of philosophy, but he no longer focuses on the use of reason, but on the fulfillment of the existence of a philosophizing person. In this case, philosophizing presupposes the adoption of the possibilities of being of already non-existent philosophers by each philosophizing person as her/his own possibilities to be. Thus, in both Kant and Heidegger, the relationship of philosophy to the history of philosophy is grounded through the concept of philosophizing, which is associated with (1) independence (the use of reason in Kant and the authenticity of existence in Heidegger) and (2) finitude (of reason in Kant and existence in Heidegger).

Дмитров Игорь Игоревич / Igor I. Dmitrov

Военно-морская академия имени Адмирала Флота Советского Союза Н.Г. Кузнецова, Санкт-Петербург, Россия, преподаватель / Naval Academy named after Admiral of the Fleet of the Soviet Union N.G. Kuznetsov, St.-Petersburg, Russia, Lecturer

Гегель и история философии как наука в трудах мыслителей советской России

Доклад посвящен рассмотрению ноуменального содержания философской формы мышления, развивавшейся на почве советского марксизма. Этот процесс шёл рука об руку с попыткой самых выдающихся советских мыслителей определить место Гегеля в истории философии, что по необходимости требовало от каждого из них осмысления и познания роли самой истории философии в отношении к своему предмету и методу. В результате этого процесса на русской почве выступило понятие истории философии как единого процесса исторического развития философии, её развитие своей исторической формы в логическую форму философского метода мышления, собственно философского метода мышления.

Советская эпоха России впервые в мировой истории поставила задачу перед духом народа положить в основание науки и образования философский способ мышления, но в силу следования марксистскому принципу как результату истории философии, задача эта решалась лишь формально, отчего сам этот способ был подвергнут отрицанию, и эпоха строительства коммунизма в такой еще неразвитой форме подошла к концу. Однако сам способ философского познания истины прокладывал себе дорогу через необходимый момент догматизма в объективном процессе его усвоения, что выступило предпосылкой для настоящего развития философского способа мышления впервые после смерти Гегеля и позволило на почве русского духа продолжить одно единое дело, которым были заняты все великие философы от Фалеса и Парменида до Шеллинга и Гегеля включительно.

Hegel and the History of Philosophy as a Science in the Works of Thinkers of Soviet Russia

The article is devoted to the consideration of the noumenal content of the philosophical form of thinking that developed on the basis of Soviet Marxism. This process went hand in hand with the attempt of the most prominent Soviet thinkers to determine Hegel's place in the history of philosophy, which necessarily required each of them to comprehend and understand the role of the history of philosophy itself in relation to their subject and method. As a result of this process, the concept of the history of philosophy emerged on Russian soil as a single process of the historical development of philosophy, its development of its historical form into the logical form of the philosophical method of thinking.

For the first time in world history, the Soviet era of Russia set the task for the spirit of the people to lay the philosophical way of thinking at the foundation of science and education, but due to following the Marxist principle as a result of the history of philosophy, this task was solved only formally, which is why this method itself was denied, and the era of building communism in such an undeveloped form came to an end. However, the very method of philosophical knowledge of truth paved its way through the necessary moment of dogmatism in the objective process of its assimilation, which became a prerequisite for the real development of the philosophical way of thinking for the first time after Hegel's death and allowed, on the basis of the Russian spirit, to continue one single work, which was occupied by all great philosophers from Thales and Parmenides to Schelling and Hegel inclusive.

Коваль Оксана Анатольевна / Oksana A. Koval

Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского, Санкт-Петербург, Россия, доцент, канд. филос. наук / Russian Christian Academy for the Humanities named after Fyodor Dostoevsky, St. Petersburg, Russia, Associate Professor, CSc in Philosophy

Ханна Арендт как медиатор двух культур¹²

---

¹² Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00925 «Ханна Арендт и вопросы литературы: поэтическое мышление как особая форма философствования» (Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского) <https://rscf.ru/project/23-28-00925/>

Ханна Арентд, исследовательница тоталитарных режимов и один из самых ярких политических теоретиков XX в., предстанет в докладе в несколько необычном свете, а именно, в роли активной участницы международной литературной сцены. С юного возраста увлеченная немецкой поэзией, она сохраняла огромный интерес к художественному слову на протяжении всей своей жизни. Эмигрировав в Америку и приобретя весомую репутацию в научных кругах, Арентд поддерживала дружеские связи с такими выдающимися американскими поэтами, как Роберт Лоуэлл, Рэнделл Джарелл, Уистен Хью Оден, Элизабет Бишоп и др. Одновременно она знакомила широкую аудиторию США с крупнейшими немецкими модернистами, популяризируя творчество (а иногда непосредственно участвуя в подготовке издания) Франца Кафка, Бертольда Брехта, Германа Броха. Что касается новой генерации поэтов и писателей из Германии и Австрии, среди которых Уве Йонсон, Ингеборг Бахман, Хильда Домин, Гюнтер Грасс, Рольф Хоххут, то Ханна Арентд не только внимательно следила за их творчеством, давая советы и поощряя их начинания, но и способствовала продвижению талантливых авторов в американской культурной среде.

Hannah Arendt as Mediator of Two Cultures

Hannah Arendt, researcher of totalitarian regimes and one of the most prominent political theorists of the twentieth century, is presented in a somewhat unusual light: as an active participant in the international literary scene. Fascinated by German poetry from an early age, she maintained a lifelong interest in the art word. After emigrating to America and gaining a reputation in academic circles, Arendt maintained friendships with such prominent American poets as Robert Lowell, Randall Jarrell, Wystan Hugh Auden, Elizabeth Bishop, and others. At the same time, she introduced the major German modernists to a wide audience in the United States of America, popularizing and sometimes directly contributing to the publication of the work of Franz Kafka, Bertolt Brecht, and Hermann Broch. As for the new generation of poets and writers from Germany and Austria, including Uwe Johnson, Ingeborg Bachmann, Hilda Domin, Günter Grass, and Rolf Hochhuth, Hannah Arendt not only followed their work closely, offering advice and encouragement, but also promoted talented writers in the in American culture.

Лагутин Сергей Владимирович / Sergey V. Lagutin

Социологический институт РАН — филиал ФНИЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия, ассоциированный научный сотрудник / Sociological Institute of FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia, Associate Researcher

Проблема признания в философском и теологическом познании у А. Кожева и Р. Жирара

В докладе рассматриваются основания философского и теологического познания, а также роль «откровения» как условия познавательной деятельности и антропологические следствия как они представлены в работах А. Кожева и Р. Жирара. Из первичной антропогенной потребности в признании характера познавательной деятельности следует не столько борьба за признание, сколько миметический кризис, преодолевающийся жертвенным кризисом. В этой связи концепции Конца истории у А. Кожева и Р. Жирара имеют существенное различие.

The problem of recognition in philosophical and theological knowledge in A. Kojève and R. Girard

The report examines the foundations of philosophical and theological knowledge, as well as the role of “revelation” as a condition for cognitive activity and anthropological consequences as they are presented in the works of A. Kozhev and R. Girard. What follows from the primary anthropogenic need for recognition of the nature of cognitive activity is not so much a struggle for recognition as a mimetic crisis overcome by a sacrificial crisis. In this regard, A. Kozhev’s and R. Girard’s conceptions of the End of History have a significant difference.

Антон Сергеевич Сюткин / Anton S. Syutkin

The study was funded by the grant of the Russian Science Foundation, project No. 23-28-00925 “Hannah Arendt and Literary Issues: Poetic Thinking as a Special Form of Philosophizing” (Russian Christian Academy for the Humanities named after Fyodor Dostoevsky) <https://rscf.ru/en/project/23-28-00925/>

Европейский университет в Санкт-Петербурге, Россия, старший преподаватель; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, Россия, научный сотрудник; Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия, научный сотрудник / European University at St. Petersburg, Russia, Senior Lecturer; National Research University — Higher School of Economics at St. Petersburg, Russia, Research Fellow; Sociological Institute of FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia, Research Fellow

Прологомены к материалистической софиологии¹³

В своей недавней книге «Христианский атеизм» Славой Жижек совершает экскурс в область российской философии. В ходе этого экскурса он противопоставляет два способа соединения субъекта с Абсолютом. С точки зрения Жижека российской философской традиции, возникающей на почве византийской теологии, свойственно понимание соединения с Абсолютом, в котором происходит преодоление человеческого конечного бытия. Жижек, однако, вслед за Гегелем и Лаканом, полагает, что соединение субъекта и Абсолюта происходит в точке пересечения их нехваток. Таким образом, в самом конечном бытии человека есть нечто, связывающее его с Абсолютом. В своем докладе я постараюсь поставить под вопрос прямолинейное противопоставление двух этих традиций. В частности, в отличие от космозизма, в российской софиологической мысли содержится потенциал для атеистического и материалистического прочтения, сближающего ее с лакано-гегельянской традицией Жижека.

Prolegomena to materialist sophiology

In his recent book *Christian Atheism*, Slavoj Žižek makes an excursus into the field of Russian philosophy. In the course of this excursus, he contrasts two ways of connecting the subject with the Absolute. From Žižek's point of view, the Russian philosophical tradition, emerging from Byzantine theology, is characterized by an understanding of connection with the Absolute in which human finitude is overcome. Žižek, however, following Hegel and Lacan, believes that the connection between the subject and the Absolute occurs at the point of intersection of their lacks. Thus, there is something in the very finite being of man that connects him to the Absolute. In my paper, I will try to question the straightforward opposition between these two traditions. In particular, unlike cosmism, Russian sophiological thought contains the potential for an atheistic and materialist reading that brings it closer to the Žižekian Lacan-Hegelian tradition.

Капельчук Ксения Александровна / Ksenia A. Kapelchuk

Национальный исследовательский университет ИТМО, Санкт-Петербург, Россия, ассистент; Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия, младший научный сотрудник / Information Technologies, Mechanics and Optics University. St. Petersburg, Russia, Assistant; Sociological Institute of FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia, Junior Researcher

Концепция диспозитива в философии Дж. Агамбена: возможно ли спасение?¹⁴

---

¹³ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00883 «Социально-философская рецепция христианства в контексте постсекулярной культуры второй половины XX – начала XXI веков» (Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук) <https://rscf.ru/project/24-28-00883/>

The study was funded by the grant of the Russian Science Foundation, project No. 24-28-00883 “Social and philosophical reception of Christianity in the context of postsecular culture of the second half of the 20th -- beginning of the 21st centuries” (Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences) <https://rscf.ru/en/project/24-28-00883/>

¹⁴ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00883 «Социально-философская рецепция христианства в контексте постсекулярной культуры второй половины XX – начала XXI веков» (Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук) <https://rscf.ru/project/24-28-00883/>

The study was funded by the grant of the Russian Science Foundation, project No. 24-28-00883 “Social and philosophical reception of Christianity in the context of postsecular culture of the second half of the 20th -- beginning of the 21st centuries” (Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences) <https://rscf.ru/en/project/24-28-00883/>

Большой корпус работ Джорджо Агамбена посвящен скрупулезному анализу христианской теологической традиции и прослеживанию тех неочевидных связей, которые она поддерживает с современными экономическими, политическими, социальными практиками, а также способами их рефлексии и репрезентации. При этом в данных работах философ зачастую занимает позицию не просто историка мысли, который пытается сохранить незаинтересованность и воздержаться от оценок, но позицию критика, который демонстрирует укорененность установившегося в современности порядка отчуждения именно в данной традиции. В этом контексте критике подвергается базовое понятие христианской мысли – понятие спасения. Именно в попытке обосновать то, каким образом спасение становится возможным посредством сына Бога, который сам одновременно является Богом, теология разрабатывает так называемую «экономику спасения», в результате чего производится разделение сферы бытия и сферы действия и в дальнейшем – пролиферация диспозитивов, захватывающих человеческую жизнь, превращая ее в пределе в «голую жизнь». Тем не менее, в других текстах Агамбен обсуждает спасение и в ином, позитивном или нейтральном ключе, правда, чаще обращаясь не к христианству, а к остальным авраамическим религиям. В конце концов, сам посыл агамбеновской риторики предполагает необходимость некоторого иного спасения и выхода из захвата властными аппаратами по ту сторону экономики спасения. В докладе будет представлен анализ стратегий Агамбена по преодолению диспозитивов, а также критически рассмотрена его трактовка аристотелевского понятия *adynamis*.

The theory of the dispositive in the philosophy of G. Agamben: Is salvation possible?

A large corpus of works by Giorgio Agamben is devoted to a scrupulous analysis of the Christian theological tradition, where he traces some non-obvious relations that it maintains with modern economic, political, social practices, as well as the ways of their reflection and representation. At the same time, in these works, the philosopher often takes the position of not just an unbiased historian of thought, who tries to refrain from making assessments, but the position of a critic who demonstrates the rootedness of the order of alienation established in modern times in this particular tradition. In this context, the basic concept of Christian thought – the concept of salvation – is criticized by Agamben. It is in an attempt to substantiate how salvation becomes possible through the son of God, who is at the same time God himself, that theology develops the so-called “the economy of salvation”, as a result of which a separation of the sphere of being and the sphere of action occurs and, subsequently, a proliferation of dispositives that capture human life, turning it ultimately into “bare life”. However, in other texts Agamben discusses salvation in a different, positive or neutral way, although more often referring not to Christianity, but to other Abrahamic religions. In the end, the very message of Agamben’s rhetoric suggests the need for some other kind of salvation and a way out of the grip of the power apparatus on the other side of the economy of salvation. The paper contains an analysis of Agamben’s strategies for overcoming dispositives and critically examines his interpretation of the Aristotelian concept of *adynamis*.

Византия в западно-европейском и славянском контекстах

Пантелеев Алексей Дмитриевич / Aleksey D. Panteleev

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, доцент; *Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия, старший научный сотрудник, канд. историч. наук* / Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, Associate Professor; Institute of World History, Russian Academy of Science, Moscow, Russia, Senior Researcher, CSc in History

Отступники от христианства в первые века в церковной и языческой традиции¹⁵

¹⁵ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01146 «Обращение и вероотступничество в позднеантичной религиозной традиции» (Институт всеобщей истории Российской академии наук) <https://rscf.ru/project/24-28-01146/>

The study was funded by the grant of the Russian Science Foundation, project No. 24-28-01146 “Conversion and Apostasy in the Late Antique Religious Tradition” (Institute of World History, Russian Academy of Sciences) <https://rscf.ru/en/project/24-28-01146/>

При рассказе о гонениях на Церковь важную роль играют свидетельства об отступниках от христианства. Первые подобные случаи связаны еще с новозаветными текстами, позже об отступниках сообщают Ерма в «Пастыре». Юстин Философ, Ириней и другие ересиологи регулярно обвиняли в этом гностиков, о нескольких случаях рассказывает Евсевий Кесарийский. Уникальным источником по этой теме являются сочинения Киприана Карфагенского, современника гонений Деция и Валериана. Особую группу источников составляют ранние агиографические тексты — мученичества, страсти и акты — где рассказывается не только о героизме мучеников, но и о тех, кто отпал. Об отступниках от христианства сообщают и античные авторы, начиная с Плиния Младшего и Лукиана. Мы изучим мотивацию людей, которые сначала осознанно пришли к христианству, а затем отошли от него. Нужно помнить, что большую роль здесь играл фактор насилия, ведь религия Христа находилась вне закона, и ее исповедание перед римским магистратом означало вынесение смертного приговора, христиан пытали во время допроса, вынуждая отступить, а иногда им угрожали иудеи, как это было во время восстания Бар Кохбы. Самыми частыми причинами отступничества здесь были, как кажется, политическое давление, карьерные амбиции, социальные связи, предыдущий религиозный опыт и сомнения в выбранном образе жизни.

Apostates from Christianity in the first centuries in the Church and pagan tradition

Testimonies of apostates from Christianity play an important role in the story of the persecution of the Church. The first such cases are related to the texts of the New Testament, later Hermas reported on apostates in his "Shepherd". Justin the Philosopher, Irenaeus and other heresiologists regularly accused the Gnostics of this, Eusebius of Caesarea tells of several cases. A unique source on this topic is the writings of Cyprian of Carthage, a contemporary of the persecutions of Decius and Valerian. A special group of sources consists of early hagiographic texts which tell us not only about martyrs, but also about those who fell away from Christianity. Ancient authors, starting with Pliny the Younger and Lucian, also report about apostates from Christianity. We will study the motivation of people who first consciously came to Christianity, and then moved away from it. It must be remembered that the factor of violence played a big role here, since the religion of Christ was outlawed, and its confession before the Roman magistrate meant a death sentence, Christians were tortured during interrogations, forced to retreat, and sometimes they were threatened by Jews, as it was during the Bar Kokhba uprising. The most common reasons for apostasy here seemed to be political pressure, career ambitions, social connections, previous religious experience, and doubts about the correctness of the chosen lifestyle.

Миролюбов Иван Андреевич / Ivan A. Mirolubov,

Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева, Москва, Россия, доцент, канд. историч. наук / Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia, Associated Professor, CSc in History

Отношение к Риму императоров дома Константина.

Значение города Рима как административной столицы Римской империи стало стремительно падать с начала кризисного III века. Императором все чаще приходилось выезжать в провинции для подавления мятежей или годами находиться близ границ, борясь с вторжением варварских племен. Это приводит к формированию ряда провинциальных императорских резиденций, которые начинают претендовать на столичный статус в силу пребывания там администрации. Наиболее ярко это проявилось в правление императора Диоклетиана, разделившего власть с тремя соправителями. Рим, в лице его аристократии и городского населения, был глубоко оскорблен таким пренебрежением, чем и объясняется поддержка римлянами мятежа Максенция, который был поднят в Италии в октябре 306 г. Максенций старался опираться на историю и традиции Рима в оформлении в идеологии своей власти, однако внутренние проблемы его режима вскоре привели его к конфликту с римской аристократией и жесткой политикой в отношении широких слоев населения. Победитель Максенция, Константин, был радостно встречен

Римом в октябре 312 г. Новый император также стремился включить символы и элементы, связанные с историей и культурой Рима, в свою пропаганду. Однако некий инцидент во время торжеств по случаю двадцатилетия императорского правления в 326 г. привели к отторжению императора от Рима: Константин более не посетит «вечный город» и все внимание сосредоточит на строительстве Константинополя. Константин не простит Рим и перед смертью: так, делегации римского сената будет отказано в праве обустроить гробницу императора в городе. Посещения Рима будут избегать и сыновья Константина: Константин-мл., Констанций и Констант. Лишь в 357 г. Констанций спустя почти 20 лет посетит город. К этому времени оба его брата погибнут в междоусобных столкновениях, и приезд Констанция, совпавший с юбилеем его правления, должен был ознаменовать примирение единственного оставшегося императора «дома Константина» и «вечного города». История взаимоотношений между династией и городом получила освещение в нарративных источниках, а также отразилась в эпиграфике и нумизматике. Эти данные помогают уточнить статус Рима в позднеантичное время, в условиях соперничества с появившимся в 324 г. Константинополем.

The attitude of the emperors of the house of Constantine towards Rome.

The importance of Rome as the administrative capital of Roman Empire began to decline from the beginning of the crisis of the 3rd century. The emperor had to travel to the provinces to suppress rebellions or spend years near the borders, fighting the invasion of barbarian tribes. This led to the formation of a number of provincial imperial residences, which began to claim capital status due to the presence of the administration there. This was most clearly manifested during the reign of Emperor Diocletian, who shared power with three co-rulers. Rome, in the person of its aristocracy and urban population, was deeply offended by such neglect. So, it explains the Roman support for the rebellion of Maxentius, which was raised in Italy in October 306. Maxentius tried to rely on the history and traditions of Rome in shaping the ideology of his power, but the internal problems of his regime soon brought him into conflict with the Roman aristocracy and harsh policies towards the Roman and Italian population. Maxentius's conqueror, Constantine, was joyfully welcomed by Roman Senate and people in October 312. The new emperor also sought to incorporate symbols and elements related to Roman history and culture into his propaganda. However, a certain incident during the celebrations on the occasion of the twentieth anniversary of the imperial rule in 326 led to the emperor's separation from Rome: Constantine would no longer visit the "eternal city" and would concentrate all his attention on the construction of Constantinople. Constantine will not forgive Rome even before his death: thus, the delegation of the Roman Senate will be denied the right to arrange the emperor's tomb in the city. The sons of Constantine will also avoid visiting Rome: Constantine Jr., Constantius and Constantius. Only in 357 Constantius, almost 20 years later, would visit the city. By this time, both of his brothers would die in internecine clashes, and the arrival of Constantius, coinciding with the anniversary of his reign, was supposed to mark the reconciliation of the only remaining emperor of the "house of Constantine" and the "eternal city". The history of the relationship between the dynasty and the city was illuminated in narrative sources, and was also reflected in epigraphy and numismatics. These data help clarify the status of Rome in late Antique times, in conditions of rivalry with Constantinople, which appeared in 324.

Курдыбайло Дмитрий Сергеевич / Dmitry S. Kurdybaylo

Национального исследовательского института «Высшая школа экономики», Москва, Россия, научный сотрудник; Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, Калининград, Россия, старший научный сотрудник; Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия, старший научный сотрудник, канд. филос. наук / National Research University — Higher School of Economics, Moscow, Russia, Research Fellow; Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia, Senior Researcher; Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia, Senior Researcher, CSc in Philosophy

Теургия в корпусе Ареопагитик и символизм Евагрия Понтийского¹⁶

---

¹⁶ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00214 «Сакрализация исторической памяти в культуре Византии и России: от события к символу» (Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта) <https://rscf.ru/project/22-18-00214/>

The study was funded by the grant of the Russian Science Foundation, project No. 22-18-00214 «Sacralization of historical memory in Byzantine and Russian cultures: From an event to a symbol» (Immanuel Kant Baltic Federal University) <https://rscf.ru/en/project/22-18-00214/>

Традиционно как один из важнейших источников корпуса Ареопагитик рассматривается Прокл Диадокх и традиция афинского неоплатонизма – как с точки зрения целого ряда технических терминов, так и целых концептуальных построений. То, что понятие «теургия» («богодействие») заимствовано из языка Прокла и его предшественников, едва ли может быть подвержено сомнению. Однако то содержание, которое вкладывает Ареопагит в это понятие, заслуживает более пристального исследования – как в сопоставлении с теургическим неоплатонизмом, так и с прочими традициями, повлиявшими на Псевдо-Дионисия. В предлагаемом докладе будут рассмотрены понятия, обозначающие «священнодействие» в александрийской традиции, уделяя особое внимание Оригену и его последователям. Также отдельно будет рассмотрено влияние Евагрия Понтийского, влияние которого на автора Ареопагитик оценивается всё более значительным у современных исследователей.

Theurgy in the *Corpus Dionysiacum* and the Symbolism of Evagrius Ponticus

Proclus Lycius is considered as the most influent source of the *Corpus Dionysiacum*. Both technical terms and whole theological conceptions of Pseudo-Dionysius were borrowed from Athenian Neoplatonists. The very fact of borrowing the term *theurgy* from Proclean writings is almost obvious, but it is not so regarding its meaning. The way how Pseudo-Dionysius understands theurgy can be studied in comparison either with Neoplatonic tradition or with other sources of Areopagitic theology. An alternative to Proclean *theurgy* may be an *hierurgy* ('consecration') of Alexandrian tradition, especially that of Origen and his followers. Special attention should be paid to Evagrius Ponticus whose influence on the Pseudo-Dionysius appears to be the more significant the more it is studied by modern scholars.

Кропотов Роман Сергеевич / Roman S. Kropotov

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, студент / Saint Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia, student

Апофатика Первоначала и проблема божественного творения из ничего в контексте античного и христианского неоплатонизма

В докладе рассмотрено соотношение абсолютной трансцендентности исходного божественного Единства и онтологически различенного мира, выраженное в динамике развёртывания катафатически образуемого сущего и заданное материей как условной границей. Точкой разворота оказывается понятие исхождения, конституирующее как самооткровение и кенозис Божества через выход из неизреченного Одного к конкретизации ипостасного существования, так и сущность всего, что может быть схвачено в качестве постигаемой и рассматриваемой реальности. Последовательно проводится фиксация следующих моментов единого онтологического движения с установлением связи между ними:

1. Изначальное «ничто» апофатического пребывания как абсолютное Одно.
2. Материя как первичная граница Иного, предполагающая движение в сторону умножения и различия, как разворачивающаяся устремленность онтологии и как «несуществующее» ничто, положенное вне божественной полноты.
3. Существующий мир и его «онтологические уровни» как конкретно выраженная определенность божественного исхождения и как сущее, обращенное к лишенности материи.
4. Проблема зла как парадоксальной устремленности к ничто в сотворенном мире.

Через сравнение того, каким оказывается статус видимого мира в текстах классических неоплатоников (Плотин; Прокл) и неоплатоников-христиан (Григорий Нисский, «*Corpus Areopagiticum*»), намечается попытка ответа на некоторые ключевые вопросы апофатического богословия: «Как возможен выход сверхсущего Начала из своей собственной непостижимой глубины к иному?»; «Каковы природа этого иного и его отношение к Единому?».

The Apophaticism of the Origin and the problem of divine creation from nothing in the context of Ancient and Christian Neoplatonism

The report offers the relationship between the absolute transcendence of the original divine Oneness and the ontologically distinct world, expressed in the dynamics of the unfolding of a cataphatically formed creature and set by matter as a conditional boundary. The turning point is the concept of exodus, which constitutes both the

self-revelation and kenosis of the Deity through the exit from the ineffable One to the concretization of hypostatic existence, and the essence of everything that can be grasped as a comprehended and considered reality. The following points of a single ontological movement are consistently recorded with the establishment of a connection between them:

1. The primordial “nothing” of the apophatic stay as the absolute One.
2. Matter as the main boundary of the Other, suggesting a movement towards multiplication and difference, as an unfolding aspiration of ontology and as “non-existent” nothing, posited outside the divine fullness.
3. The existing world and its “ontological levels” as a concretely expressed certainty of divine origin and as an existence look to the absence of matter.
4. The problem of evil as a paradoxical striving for nothingness in the created world.

By comparing what the status of the visible world turns out to be in the texts of classical Neoplatonists (Plotinus; Proclus) and Neoplatonic Christians (Gregory of Nyssa, “Corpus Areopagiticum”), an attempt is being made to answer some key questions of apophatic theology: “How is it possible for a super-existent Principle to emerge from its own incomprehensible depths to another?”; “What are the the nature of this other and its relation to the One?”.

Фуртай Франциска Викторовна / Francisca V. Foortai

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия, профессор, доктор искусствоведения / Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russia, Professor, DSc in Art History

Роль святой Ирины в созыве Седьмого Вселенского собора 787 года. Иконы, почитаемые в Византии и на Западе.

В докладе рассматривается роль святой Ирины Афинянки в созыве Седьмого Вселенского собора 787 г. Уделяется внимание развитию характера святой Ирины, её отношению к мужу и сыну. Святость и личные качества императрицы.

Борьба с иконоборчеством на соборе. Влияние ислама. Византия и Рим – Вселенский Собор в глазах папы – не способ умиротворения *всей* Кафолической Церкви, а крайнее средство вразумления еретиков-греков. Понтифик предлагает направить на Восток римских священников, которые помогут императорам вернуть заблудших в лоно Церкви. Рим выступает здесь как высший судья Церкви (это была одна из последних попыток Рима подчинить себе восточную церковь). Иконы, которые были популярны на Западе и в Византии в раннехристианский период. Их догматическое значение.

The role of St. Irene in the convocation of the seventh Ecumenical Council in 787. Icons revered in Byzantium and in the West.

The report examines the role of St. Irene of Athens in the convocation of the Seventh Ecumenical Council in 787. Attention is paid to the development of the character of St. Irene, her attitude towards her husband and son. The holiness and personal qualities of the Empress.

The struggle against iconoclasm at the cathedral. The influence of Islam. Byzantium and Rome – the Ecumenical Council in the eyes of the pope is not a way to pacify the entire Catholic Church, but an extreme means of admonishing heretical Greeks. The pontiff proposes to send Roman priests to the East, who will help the emperors return the lost to the bosom of the Church. Rome acts here as the supreme judge of the Church (this was one of Rome’s last attempts to subjugate the Eastern Church). Icons that were popular in the West and in Byzantium in the early Christian period. Their dogmatic meaning.

Зубова Анна Николаевна / Anna N. Zubova

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия, магистрант / Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia, Master’s Student

Восприятие женщины в XIII–XIV вв. на основе старофранцузских куртуазных романов и византийского любовного романа

Доклад посвящен исследованию восприятия женщины в литературе XIII–XIV веков на примере старофранцузских куртуазных романов и византийских любовных романов. Анализируются ключевые литературные произведения, чтобы выявить особенности и различия в изображении женских образов, а также понять, как культурные и социальные контексты влияли на восприятие женщины в эти эпохи.

Старофранцузские куртуазные романы, представленные произведениями анонимных авторов, как «Окассен и Николетт», «Флуар и Бланшефлор», «Фламенка», описывают идеализированный образ дамы, окруженной почтением и восхищением рыцарей. Женщина в этих романах часто представляется воплощением красоты, добродетели и мудрости, являясь объектом поклонения и воспевания. Куртуазная любовь, основанная на рыцарских идеалах, подчеркивает её недостижимость и возвышенность, что отражает социальные и этические нормы средневековой Франции.

Византийские любовные романы, например, «Каллимах и Хрисорроя», «Бельтандр и Хрисанца», «Либистр и Родамна», также фокусируются на теме любви, но в них женщина представляется несколько иначе. Византийские тексты нередко изображают женских персонажей более активно вовлеченными в сюжетные перипетии, с собственными мотивами и целями. Женщины в этих романах могут быть не только объектами страсти, но и самостоятельными действующими лицами, что отражает специфические черты византийского общества и его отношение к роли женщины.

Сравнение этих литературных традиций позволяет выявить не только культурные различия, но и общие черты в восприятии женщины в средневековой Европе. Доклад подчеркивает, что несмотря на идеализацию и символизм, присущие обеим традициям, женские образы в литературе XIII–XIV веков отражают сложные и многогранные представления о роли женщины в обществе того времени.

The perception of women in the XIII–XIV centuries. based on Old French courtly novels and the Byzantine romance novel

The report is devoted to the study of the perception of women in the literature of the XIII–XIV centuries on the example of Old French courtly novels and Byzantine romance novels. Key literary works are analyzed to identify the features and differences in the depiction of female images, as well as to understand how cultural and social contexts influenced the perception of women in these eras.

Old French courtly novels, represented by the works of anonymous authors such as “Aucassin and Nicolette”, “Floris and Blancheflour”, “Flamenca”, describe an idealized image of a lady surrounded by the reverence and admiration of knights. The woman in these novels is often represented as the embodiment of beauty, virtue and wisdom, being the object of worship and chanting. Courtly love, based on chivalrous ideals, emphasizes its inaccessibility and sublimity, which reflects the social and ethical norms of medieval France.

Byzantine romance novels, for example, “Kallimachos and Chrysorroï”, “Belthandros and Chrysantza”, “Livistros and Rhodamne”, also focus on the theme of love, but in them the woman is presented somewhat differently. Byzantine texts often depict female characters more actively involved in plot twists and turns, with their own motives and goals. The women in these novels can be not only objects of passion, but also independent characters, which reflects the specific features of Byzantine society and its attitude to the role of women.

A comparison of these literary traditions reveals not only cultural differences, but also common features in the perception of women in medieval Europe. The report emphasizes that despite the idealization and symbolism inherent in both traditions, female images in the literature of the XIII–XIV centuries reflect complex and multifaceted ideas about the role of women in society at that time.

Евлампиев Игорь Иванович / Igor I. Evlampiev

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, профессор, доктор филос. наук / Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, Professor, DSc in Philosophy

От Оригена до Иоанна Скота Эриугены: становление традиции мистического пантеизма в европейской философии

Основная линия развития европейской христианской философии, начиная с систем Валентина, Василида и Оригена, связана с традицией гностического христианства. Двумя важнейшими принципами этой традиции является непосредственная связь Бога и мира по модели пантеизма и полагание творения

результатом некоторого «дефекта» в божественной сущности, результатом «ограниченности», «неполноты» Бога. Совместно эти два принципа обеспечивали возможность непосредственного (мистического) соединения разумных существ с Богом и наличие у них абсолютной свободы, которую Бог не в состоянии ограничить. Система Оригена стала первой «образцовой» системой мистического пантеизма, однако после осуждения его учения как ереси группа гностических мыслителей (вероятно, в нее входили Иоанн Скифопольский, Иоанн Филопон, Стефан Бар Судайли и др.) осуществила умелую литературную мистификацию: под именем Дионисия Ареопагита была выдвинута оригинальная концепция мистического пантеизма, которая стала вторым образцом для последующих мыслителей – вплоть до Иоанна Скота Эриугены.

From Origen to John Scotus Eriugena: the formation of the tradition of mystical pantheism in European philosophy

The main lines of development of European Christian philosophy, starting with the systems of Valentinus, Basilides and Origen, are associated with the tradition of Gnostic Christianity. The two most important principles of this tradition are the direct connection between God and the world according to the model of pantheism and the understanding of the creation as the result of some “defect” in the divine essence, the result of the “limitedness”, “incompleteness” of God. Together, these two principles ensured for intelligent beings the possibility of a direct (mystical) connection with God and their absolute freedom, which God is not able to limit. Origen’s system became the first “exemplary” system of mystical pantheism, however, after condemning his teaching as a heresy, a group of Gnostic thinkers (probably included John of Scythopolis, John Philoponus, Stephen Bar Sudail and others) carried out a skillful literary hoax: under the name of Dionysius the Areopagite an original concept of mystical pantheism was put forward, which became the second model for subsequent thinkers – up to John Scotus Eriugena.

Акишин Сергей Борисович / Sergyei B. Akishin

Независимый исследователь, Санкт-Петербург, Россия / Independent researcher, St. Petersburg, Russia

О некоторых мотивах эстетики Ареопагитик в романе У. Эко «Имя розы»

Проблема, рассматриваемая в настоящей статье, касается особой роли некоторых положений Ареопагитик в развитии смысловой подоплеки действия романа Умберто Эко «Имя розы». При том, что события романа происходят в первой половине XIV века в среде насельников бенедиктинского аббатства в Пьемонте, драматическая коллизия, лежащая в основе главной сюжетной линии, разворачивается вокруг допустимости участия элементов «низкой» культуры, из которых наиболее выразительным и значительным выступает смех, в общей христианской эстетической установке, направленной в первую очередь на прославление Бога, укоренение учения Церкви и устройство христианской жизни. Несмотря на то, что ученые антагонисты, престарелый монах Хорхе и францисканский странствующий монах Вильгельм, не находят компромисса по этому вопросу, оба они, тем не менее, апеллируют к авторитету Ареопагитик: первый в своей защите самоответственной основы святоотеческого учения (в противовес предполагаемым им историческим попыткам ее стадильной ревизии в аристотелевском духе), второй – в попытке апологии расширения возможностей человеческого самовыражения в соответствии с основанной на апофатическом методе транскрипции бесконечности сущности и присутствия Бога. Следует признать заметным преувеличением утверждение, что в изображении полемики такого рода на страницах романа мы получим всестороннее воспроизведение ситуации, при которой строгая христианская модель культуры и нарождающийся гуманизм ренессансного образца вступают в открытое противоборство. Тем не менее, было бы продуктивным попытаться усмотреть в ней вехи для развития нашего понимания взаимодействия апофатической и катафатической подсистем Ареопагитик в плане их возможности стать действующим историко-культурным фактором за пределами периода появления памятника, при сохранении своего основозначения одного из краеугольных камней христианской боголовской идентичности.

On certain motives of the aesthetic of the Areopagitics in Umberto Eco’s novel “The Name of the Rose”

The issue under our examination in the present paper concerns the specific role that some provisions found in the Corpus Areopagiticum play in developing the conceptual background behind the course of action in Umberto Eco's novel "The Name of the Rose". With the latter being fictionally framed into the period of the first half of the XIV century in the milieu of inhabitants of a North Italian Benedictine abbey, the dramatic collision underlying the main storyline evolves around the admissibility of the elements of "low" culture, of which the most emphatic and significant is laughter, for taking part in the general Christian aesthetic setup principally aimed at glorifying God, propagating the doctrine of the Church and arranging the Christian life. Although the scholarly antagonists, an elderly monk Jorge and a Franciscan vagant monk Wilhelm, hold hardline adversary positions on the subject, both of them appeal to the authority of the Areopagitics: the former in his defense of the self-responsible core of Patristic teaching as opposed to the alleged gradual historical attempts of its Aristotelian revision, and the latter in his apology of enlarging the limits of human self-expression following the apophatic-based notion of the infinity of the essence and presence of God. To assert that in a confrontation of this novelistic kind, we could detect a full-fledged representation of a severe Christian culture model and a newly-emerging humanism of Renaissance type coming into an open conflict would be a noticeable exaggeration. Nevertheless, it leaves certain keys to enhance our understanding of the way the apophatic and cataphatic parts in the system of the Areopagitics interact in ensuring its possible relevant historical and cultural agency beyond the frames of the period of appearance while remaining one of the cornerstones of Christian theological identity.

Щукин Тимур Аркадьевич / Timur A. Shchukin

Социологический институт РАН — филиал ФНИЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия, научный сотрудник, канд. филос. наук / Sociological Institute of FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia, Research Fellow, CSc in Philosophy

Щербakov Михаил Иванович / Mikhail I. Shcherbakov

Социологический институт РАН — филиал ФНИЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия, младший научный сотрудник; Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, аспирант / Sociological Institute of FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia, Junior Researcher; Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, Postgraduate Student

Рецепция сочинений Максима Исповедника в XI веке¹⁷

Доклад посвящен рецепции «Амбигв» Максима Исповедника в XI веке - как непосредственному восприятию идей мыслителя VII века, так и критике его взглядов в рамках так называемой придворной богословской традиции (Михаил Пселл, Иоанн Итал). Предполагается максимально полный обзор свидетельств того, что авторы XI века были знакомы с «Амбигвами» Максима Исповедника. В докладе привлекаются как собственно богословские источники, так и произведения более широкого круга, а также литургический и визуальный (иконографический) материал. Предполагается проверка гипотезы о том, что сочинения преподобного Максима циркулировали в первую очередь в среде придворных константинопольских интеллектуалов, и только благодаря этому их стали читать и в монашеской среде, что привело к возрождению интереса к сочинениям Максима Исповедника и его «вторичной канонизации». Особое место в докладе уделяется обзору полемических выпадов Михаила Пселла против Максима Исповедника в рамках его «альтернативных» толкований на отдельные места из Григория Богослова.

Reception of the Writings by Maxim the Confessor in the 11th century

---

¹⁷ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01038 «Экзегетическая стратегия и богословие Михаила Пселла в его толкованиях на отдельные места из Григория Богослова в интеллектуальном контексте XI века» (Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук), <https://rscf.ru/project/23-28-01038/>

The study was funded by the grant of the Russian Science Foundation, project No. 23-28-01038 "The Exegetic Strategy and Theology of Michael Psellus in his Interpretations of Selected Passages by Gregory the Theologian in the intellectual context of the 11th century" (Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences) <https://rscf.ru/en/project/23-28-01038/>

The report is devoted to the reception of Maxim the Confessor's "Ambigua" in the 11th century - both the direct perception of the ideas of the thinker of the 7th century and the criticism of his views within the framework of the so-called court theological tradition (Michael Psellos, John Italos). It is assumed that the most complete review of the evidence that the authors of the 11th century were familiar with the "Ambigua" by Maxim the Confessor. The report draws on both theological sources proper and works from a wider range, as well as liturgical and visual (iconographic) material. It is supposed to test the hypothesis that the writings of St. Maximus circulated primarily among the court intellectuals of Constantinople, and only because of this they began to be read in the monastic environment, which led to a revival of interest in the writings of Maximus the Confessor and his "secondary canonization". A special place in the report is given to a review of the polemical attacks of Michael Psellos against Maxim the Confessor within the framework of his "alternative" interpretations of certain passages from Gregory the Theologian.

Карпов Александр Александрович / Alexander A. Karpov

Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия, младший научный сотрудник; Московская духовная академия, Москва, Россия, магистрант / Sociological Institute of RAS, St. Petersburg, Russia, Junior Researcher; Moscow Theological Academy, Moscow, Russia, Master's Student

Истоки богословского становления Никифора Григоры¹⁸

Византийский богослов и философ Никифор Григора известен не только, как автор исторических сочинений, но и как полемист, принимавший участие в паламистских спорах. Известно, что его позиция отличалась от свт. Григория Паламы, а также Варлаама Калабрийского. Данное расхождение обусловлено философскими предпосылками, которые влияли на богословие Никифора Григоры и разделяли его мировоззрение с представителями исихазма и томизма. Наибольшее влияние на идеи Никифора Григоры, в особенности критики Григория Паламы, являются идеи неоплатонических философов, в особенности Плотина и Прокла. Данный доклад посвящен исследованию истоков богословской доктрины Никифора Григоры, в котором хронологически будут рассмотрены философские школы Византии, их возникновение и развитие, а также, в частности, будут намечены основные неоплатонические положения, повлиявшие на его богословскую мысль.

The origins of the theological formation of Nikephoros Grigora

The Byzantine theologian and philosopher Nikephoros Grigora is known not only as the author of historical works, but also as a polemicist who took part in the Palamist controversies. It is known that his position differed from sv. Gregory Palamas, as well as Barlaam of Calabria. This discrepancy is due to the philosophical premises that influenced the theology of Nikephoros Grigora and shared his worldview with representatives of Hesychasm and Thomism. The greatest influence on the ideas of Nikephoros Grigora, especially the criticism of Gregory Palamas, are the ideas of the Neoplatonic philosophers, especially Plotinus and Proclus. This report is devoted to the study of the origins of the theological doctrine of Nikephoros Grigora, which chronologically examines the philosophical schools of Byzantium, their emergence and development, and, in particular, outlines the main Neoplatonic positions that influenced his theological thought.

Сенина Татьяна Анатольевна / Tatyana A. Senina

---

¹⁸ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01028 «Георгий Гемист Плифон и место платонизма в философско-богословской традиции Византии середины XI-XV веков» (Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук), <https://rscf.ru/project/23-28-01028/>
The study was funded by the grant of the Russian Science Foundation, project No. 23-28-01028 "George Gemistus Plethon and the Role of Platonism in the Philosophical and Theological Tradition of Byzantium in the mid-11th-15th centuries" (Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences), <https://rscf.ru/en/project/23-28-01028/>

Посейдон и Плутон как творцы человеческой души в пантеоне Георгия Гемиста Плифона¹⁹

В докладе рассматривается место богов-создателей человеческой души в богословской системе Плифона. В толкованиях на Халдейские оракулы Гемист «непосредственным создателем души» называет «второго бога»; в «Законах» этот бог — Посейдон, второй после верховного бога Зевса, названный там «непосредственным главой» людей. В то же время в «Законах» боги-дети Зевса называются «создателями» и «со-создателями», помощниками Посейдона при сотворении мира; в частности, «правителем» душ и руководителем людей является Плутон. Почему же не Плутон — непосредственный создатель души, если Посейдон пользуется его посредством? Рассмотрение иерархии богов и их функций в пантеоне Плифона показывает, что Гемист называет Посейдона «непосредственным создателем» души и «непосредственным главой» людей, подразумевая, что Посейдон является таковым в качестве непосредственного, в отличие от Зевса, творца мира в целом. Посейдон, подобно своему отцу Зевсу, чьим единственным точным образом он является, называется *δημιουργός* и *παραγωγός* не в том же смысле, в каком так могут называться остальные боги, содействием которых он пользуется при сотворении отдельных частей мироздания. Посейдон является создателем вселенной в целом, в том числе и человека, а прочие боги, в том числе «глава нашей бессмертной части» Плутон, отвечают лишь за отдельные части мироздания, и с их стороны «создание» и «произведение» соответствующей части вселенной оказываются ближе к «упорядочению», «украшению» и «руководству».

Poseidon and Pluton as creators of the human soul in George Gemistos Plethon's pantheon

The report examines the place of the creators of the human soul in the theological system of George Gemistos Plethon. In his interpretations of the Chaldean Oracles, Plethon calls the “second god” the “direct creator of the soul”; in the Plethon's “Book of laws” this god is Poseidon, second after the supreme god Zeus, called the “immediate head” of humans. At the same time, in the “Book of laws” the gods-children of Zeus are called “creators” and “co-creators”, assistants of Poseidon in the creation of the universe; in particular, Pluto is the “head” and “ruler” of souls, the “leader” of humans. Why, then, is Pluto not the direct creator of the soul, if Poseidon uses him as an intermediary? A consideration of the hierarchy of gods and their functions in the pantheon of Plethon shows that Gemistos calls Poseidon “the immediate creator” of the soul and “the immediate head” of humans, meaning that Poseidon is such as the immediate, in contrast to Zeus, creator of the world as a whole. Thus, Poseidon, like his father Zeus, whose image he is, is called *δημιουργός* and *παραγωγός* not in the same sense in which the other gods. Poseidon is the immediate creator of the entire world as a whole, including the human soul. Other gods, including the “head of our immortal part” Pluto, are responsible only for separate parts of the universe, and for them, “creation” and “production” of the corresponding parts of the universe turns out to be closer to “ordering”, “decoration” and “guidance”.

---

¹⁹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01028 «Георгий Гемист Плифон и место платонизма в философско-богословской традиции Византии середины XI-XV веков» (Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук), <https://rscf.ru/project/23-28-01028/>
The study was funded by the grant of the Russian Science Foundation, project No. 23-28-01028 “George Gemistos Plethon and the Role of Platonism in the Philosophical and Theological Tradition of Byzantium in the mid-11th-15th centuries” (Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences), <https://rscf.ru/en/project/23-28-01028/>

Щукин Тимур Аркадьевич / Timur A. Shchukin

Социологический институт РАН — филиал ФНИЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия, научный сотрудник, канд. филос. наук / Sociological Institute of FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia, Research Fellow, CSc in Philosophy

Установление праздника Трех Святителей и богословские дискуссии в XI веке²¹

Доклад посвящен формированию культа Трех Святителей в XI веке и причинам установления праздника в первые годы правления императора Алексия Комнина. В докладе дается ответ на четыре вопроса, которые должен задать себе исследователь при знакомстве с единственным источником, в котором излагается история установления праздника – Синаксарным рассказом XIV века. Первый вопрос: как формировался культ до XI века и какую роль в этом играла литургическая и внелитургическая литературная традиция? Второй вопрос: Какую роль в установлении праздника сыграл епископ Евхаитский Иоанна Мавропод? Третий вопрос: Почему праздник был установлен именно в правление императора Алексия? Четвертый вопрос: какие именно дискуссии внутри интеллектуального сообщества Константинополя привели к установлению праздника? В докладе приводятся доказательства относительно того, что подлинной причиной установления праздника было желание императора подавить неоязыческую, неоплатоническую «крамолу» в интеллектуальном социуме Константинополя.

The establishment of the Three Holy Hierarchs and theological discussions in the 11th century

The report is devoted to the formation of the cult of the Three Holy Hierarchs in the 11th century and the reasons for the establishment of the holiday in the early years of the reign of Emperor Alexios I Komnenos. The report provides an answer to four questions that a researcher should ask himself when getting acquainted with the only source that tells the story of the establishment of the holiday – the Synaxary story of the 14th century. The first question is: how was the cult formed before the 11th century and what role did the liturgical and extra-liturgical literary tradition play in this? The second question is: What role did Bishop John Mauropous play in establishing the holiday? The third question is: Why was the holiday established during the reign of Emperor Alexios? The fourth question is: what kind of discussions within the intellectual community of Constantinople led to the establishment of the holiday? The report provides evidence that the real reason for the establishment of the holiday was the emperor's desire to suppress neo-pagan, Neoplatonic "sedition" in the intellectual society of Constantinople.

---

²⁰ Круглый стол проводится в рамках гранта Российского научного фонда № 23-18-00251 «Византийский Ренессанс: институциональные основания и теолого-метафизические истоки религиозно-политического дискурса второй половины XI - XV вв.» (Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук), <https://rscf.ru/project/23-18-00251/>

The round table is held within the framework of the Russian Science Foundation, project No. 23-18-00251 "The Byzantine Renaissance: The Institutional Foundations and Theological and Metaphysical Origins of Religious and Political Discourse, Second Half of the 11th-15th Centuries" (Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences), <https://rscf.ru/en/project/23-18-00251/>

²¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00251 «Византийский Ренессанс: институциональные основания и теолого-метафизические истоки религиозно-политического дискурса второй половины XI - XV вв.» (Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук), <https://rscf.ru/project/23-18-00251/>

The study was funded by the grant of the Russian Science Foundation, project No. 23-18-00251 "The Byzantine Renaissance: The Institutional Foundations and Theological and Metaphysical Origins of Religious and Political Discourse, Second Half of the 11th-15th Centuries" (Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences), <https://rscf.ru/en/project/23-18-00251/>

Барышева Ольга Игоревна / Olga I. Barysheva

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, старший преподаватель; Социологический институт РАН — филиал ФНИЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия, младший научный сотрудник; / Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, Senior Lecturer; Sociological Institute of FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia, Junior Researcher

Комментарий Феодора Продрома ко второй книге *Analytica posteriora* Аристотеля в контексте позднеантичной и византийской комментаторской традиции²²

Феодор Продром (ок. 1100 – ок. 1170) – выдающийся византийский писатель и мыслитель Комниновской эпохи. Наследие Феодора Продрома включает три сочинения, посвященных логическим вопросам: диалог “Ксенедем, или Гласы”, трактат “О великом и малом”, комментарий ко второй книге *Analytica posteriora* Аристотеля. Этот комментарий – малоизученный памятник византийской логико-философской мысли. В настоящем докладе отрывок из этого текста будет проанализирован в сравнении с предшествующими комментариями к тому же трактату (комментарии Александра Афродисийского, Фемистия, Иоанна Филопона, Евстратия Никейского). Внимание предполагается сосредоточить на следующих вопросах: во-первых, из каких источников Феодор Продром черпал материал; во-вторых, какими методами он перерабатывал заимствованный материал; в-третьих, как в этих методах отразилась специфика его логико-философской позиции. Кроме того, мы постараемся рассмотреть, какую задачу ставил перед собой Феодор Продром, составляя комментарий к тексту, уже тщательно истолкованному его старшим современником Евстратием, и какой аудитории был адресован его комментарий.

Theodore Prodromos' Commentary on the Second Book of Aristotle's *Analytica posteriora* in the Context of Late Antique and Byzantine Commentary Tradition

Theodore Prodromos (c. 1100 – c. 1170) was a prominent Byzantine writer and thinker of the Comnenian period. Theodore Prodromos' legacy includes three works devoted to logical questions: the dialogue 'Xenedemos, or Voices', the treatise 'On the Great and the Small', and a commentary on the second book of Aristotle's *Analytica posteriora*. This commentary is a little-studied monument of Byzantine logico-philosophical thought. In the present paper an excerpt from this text will be analysed in comparison with previous commentaries on the same treatise (the commentaries of Alexander of Aphrodisias, Themistios, John Philoponos, and Eustratios of Nicaea). We will focus on the following questions: firstly, from what sources Theodore Prodromos drew material; secondly, by what methods he processed the borrowed material; thirdly, how the specificity of his logico-philosophical position was reflected in these methods. In addition, we will try to consider what task Theodore Prodromos set himself when composing a commentary on a text already thoroughly interpreted by his older contemporary Eustratios, and to what audience his commentary was addressed.

Черноглазов Дмитрий Александрович / Dmitrii A. Chernoglazov

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, профессор; Социологический институт РАН — филиал ФНИЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия, ведущий научный сотрудник, доктор филолог. наук / Saint Petersburg State University, professor; Sociological Institute of FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia, Leading Researcher, DSc in Philology

---

²² Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00251 «Византийский Ренессанс: институциональные основания и теолого-метафизические истоки религиозно-политического дискурса второй половины XI - XV вв.» (Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук), <https://rscf.ru/project/23-18-00251/>

The study was funded by the grant of the Russian Science Foundation, project No. 23-18-00251 “The Byzantine Renaissance: The Institutional Foundations and Theological and Metaphysical Origins of Religious and Political Discourse, Second Half of the 11th-15th Centuries” (Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences), <https://rscf.ru/en/project/23-18-00251/>

Похвала безграничной щедрости: к вопросу о политическом идеале Георгия Пахимера²³

Предмет доклада – политические взгляды Георгия Пахимера (1242 – ок. 1310), отразившиеся в его историческом труде. Ставится вопрос о том, каким Пахимеру мыслился образ идеального правителя. Демонстрируется, что среди царских добродетелей историограф особое внимание уделяет щедрости, готовности творить благодеяния по отношению к подданным: с точки зрения Георгия, скупой царь не царствует по-настоящему, а лицедействует, словно играя царя «на сцене». Анализируется ряд рассуждений Пахимера о том, почему правителю следует одаривать подданных, какова должна быть мера его щедрости и по отношению к кому он должен ее проявлять. Трактовка щедрости в «Истории» Пахимера анализируется как в контексте позднеантичной и ранневизантийской традиции (Синесий Киренский, Агапит Диякон и др.), так и в соотношении с современной автору политической риторикой («Царская статуя» Никифора Влеммида, «О царской власти» Фомы Магистра, речи Мануила Оловола, Григория Кипрского, Максима Плануда и др.) и историографией (исторические труды Георгия Акрополита и Никифора Григоры). Выявляются специфические черты политической позиции Георгия Пахимера.

A Praise of Boundless Generosity: Some Notes on the Political Ideal of George Pachymeres

The subject of the paper is the political views of George Pachymeres (1242 – ca 1310), reflected in his historical work. The question of how Pachymeres envisioned the image of an ideal ruler is raised. It is demonstrated that among the imperial virtues the historiographer pays special attention to generosity, readiness to do favors to all the subjects: from the point of view of George, the stingy emperor does not really reign, but is acting a role, as if playing the emperor “on stage”. We analyze a number of Pachymeres’ arguments about why a ruler should bestow gifts on his subjects, what should be the measure of his generosity and to whom he should show it. The treatment of generosity in Pachymeres’ “History” is analyzed both in the context of late antique and early Byzantine tradition (Synesios of Cyrene, Agapetos the Deacon, etc.) and in correlation with political rhetoric contemporary to the author (“Imperial Statue” by Nikephoros Blemmydes, “On the Imperial Office” by Thomas Magistros, speeches of Manuel Holobolos, Gregory of Cyprus, Maximos Planudes, etc.) and historiography (historical works of George Akropolites and Nikephoros Gregoras). The specific features of the political position of George Pachymeres are revealed.

Ноговицин Олег Николаевич / Oleg N. Nogovitsin

Социологический институт РАН — филиал ФНИЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия, старший научный сотрудник, канд. филос. наук / Sociological Institute of FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia, Senior Researcher, CSc in Philosophy

Тринитарная полемика последней четверти XIII века и школьная философская традиция: Георгий Мосхамбар «Антирретик против Века» (гл. 3)²⁴

---

²³ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00251 «Византийский Ренессанс: институциональные основания и теолого-метафизические истоки религиозно-политического дискурса второй половины XI - XV вв.» (Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук), <https://rscf.ru/project/23-18-00251/>

The study was funded by the grant of the Russian Science Foundation, project No. 23-18-00251 “The Byzantine Renaissance: The Institutional Foundations and Theological and Metaphysical Origins of Religious and Political Discourse, Second Half of the 11th-15th Centuries” (Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences), <https://rscf.ru/en/project/23-18-00251/>

²⁴ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00251 «Византийский Ренессанс: институциональные основания и теолого-метафизические истоки религиозно-политического дискурса второй половины XI - XV вв.» (Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук), <https://rscf.ru/project/23-18-00251/>

The study was funded by the grant of the Russian Science Foundation, project No. 23-18-00251 “The Byzantine Renaissance: The Institutional Foundations and Theological and Metaphysical Origins of Religious and Political Discourse, Second Half of the 11th-15th Centuries” (Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences), <https://rscf.ru/en/project/23-18-00251/>

Трактат Георгия Мосхамбара *Capita antirrhethica contra Beccum* (1281) примечателен во многих отношениях, но одной из главных особенностей трактата является использование Мосхамбаром в своей аргументации против *Filioque* понятийного инструментария школьной философской традиции комментариев к Аристотелю, что было достаточно необычным явлением для предыдущих этапов антилатинской полемики. Более того, несмотря на отсутствие в Византии в этот период сведений о томистской концепции понимания различий лиц в Троице посредством противопоставленных отношений (*relationes oppositae*), Мосхамбар трактует их именно таким образом, как отличающиеся κατὰ τὴν σχέσιν ἀντιθετικῶς ὡς τὰ πρὸς τι. В докладе мы предполагаем рассмотреть один из наиболее интересных примеров данной полемической стратегии – аргументацию Мосхамбара против учения об исхождении Святого Духа от Отца и Сына *tanquam ab uno principio* в 3 главе трактата. Там за основу доказательства Мосхамбар берет представленное в «Категориях» Аристотеля учение о соотнесенных (τὰ πρὸς τι) и четырех видах противоположащих (τὰ ἀντικείμενα).

Trinitarian polemics of the last quarter of the 13th century and school philosophical tradition: George Moshambar “Antirrhethic against the Century” (chapter 3)

The treatise of George Moschambar *Capita antirrhethica contra Beccum* is remarkable in many aspects, but one of the pivotal features of Moschambar’s treatise is his application in the arguing against *Filioque* the conceptual toolkit of the scholarly philosophical tradition of commentaries on Aristotle, which was rather unusual for the previous stages of the anti-Latin polemics. Moreover, in spite of the lack of data on the Thomist conception of understanding the processions within the Trinity as a structure of opposed relations (*relationes oppositae*) in Byzantium of that period, Moschambar interprets them right that way, as distinguished κατὰ τὴν σχέσιν ἀντιθετικῶς ὡς τὰ πρὸς τι. In the report, we propose to address one of the most interesting examples of the given polemical strategy—the argumentation of Moschambar against the doctrine of the procession of the Holy Spirit from Father and Son *tanquam ab uno principio* in the third chapter of the treatise. As an argumentative basis, Moschambar accepts Aristotle’s teaching on Relatives (τὰ πρὸς τι) and four species of Opposites (τὰ ἀντικείμενα).

Спиридонова Лидия Валентиновна / Lydia V. Spyridonova

Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия, старший научный сотрудник, канд. историч. наук / Sociological Institute of FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia, Senior Researcher, CSc in History

Гносеологические основания богословия в сочинениях Варлаама Калабрийского и Григория Паламы: сравнительный анализ²⁵

В XIV веке в ходе богословской полемики между Варлаамом Калабрийским и Григорием Паламой были затронуты фундаментальные гносеологические вопросы — о путях и возможностях богопознания для человеческого ума. Участники спора предложили две противоположные концепции богопознания. Для Варлаама было характерно четкое разграничение рационального познания, основанного на аподиктических силлогизмах и ведущего к научному знанию о физическом мире, и богословского познания, опирающегося на откровенные истины и порождающего особые «диалектические доказательства». При этом сущность Бога полагается им совершенно непознаваемой, а высшее доступное человеку знание о Боге — это знание о том, что «говорится» о Нем. Палама, напротив, утверждает возможность познания Бога по Его нетварным энергиям и настаивает на аподиктическом характере богословских доказательств, основанных на авторитете Священного Писания и святых отцов. Сущность Бога, по Паламе, непознаваема, однако умное видение Фаворского света позволяет приобщиться к божественному бытию. В докладе прослеживаются истоки и внутренняя логика обеих

²⁵ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00251 «Византийский Ренессанс: институциональные основания и теолого-метафизические истоки религиозно-политического дискурса второй половины XI - XV вв.» (Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук), <https://rscf.ru/project/23-18-00251/>

The study was funded by the grant of the Russian Science Foundation, project No. 23-18-00251 “The Byzantine Renaissance: The Institutional Foundations and Theological and Metaphysical Origins of Religious and Political Discourse, Second Half of the 11th-15th Centuries” (Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences), <https://rscf.ru/en/project/23-18-00251/>

позиций, раскрывается их философский и богословский контекст. Показано, что различия в гносеологических установках Варлаама и Паламы являются одной из главных причин их знаменитой богословской полемики. В заключение рассматривается значение идей двух мыслителей для последующей традиции.

Epistemological Foundations of Theology in the Writings of Barlaam the Calabrian and Gregory Palamas: A Comparative Analysis

The 14th-century theological polemic between Barlaam the Calabrian and Gregory Palamas raised fundamental epistemological questions concerning the ways and possibilities of attaining knowledge of God through the human mind. The participants in the dispute proposed two opposing conceptions of the acquisition of divine knowledge. Barlaam was characterized by a clear distinction between rational cognition, which is based on apodictic syllogisms and leads to scientific knowledge of the physical world, and theological cognition, which relies on revealed truths and generates special “dialectical proofs.” He considered the essence of God to be completely unknowable, and the highest knowledge of God accessible to humans to be the understanding of what is “said” about Him. Conversely, Palamas affirmed the possibility of knowing God through His uncreated energies and insisted on the apodictic character of theological proofs based on the authority of Holy Scripture and the teachings of the Church Fathers. According to Palamas, while the essence of God remains unknowable, the noetic vision of the Taboric Light allows one to partake in the divine being. This report traces the origins and internal logic of both positions, situating them within their broader philosophical and theological contexts. It demonstrates that the differences in the epistemological approaches of Barlaam and Palamas constitute one of the primary reasons for their renowned theological polemic. The report concludes by examining the significance of the ideas of these two thinkers for subsequent theological traditions.

Сенина Татьяна Анатольевна / Tatyana A. Senina

Социологический институт РАН — филиал ФНИЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия, старший научный сотрудник, канд. филос. наук / Sociological Institute of FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia, Senior Researcher, CSc in Philosophy

Критика христиан и христианства в сочинениях Георгия Гемиста Плифона²⁶

В докладе показывается, что Плифон в своих сочинениях под «софистами» имеет в виду христиан и полемизирует с их учением. По мнению Гемиста, христиане ввели в заблуждение множество людей, ложно утверждая, будто творят великие дела с помощью божественной силы и имеют знание, полученное непосредственно от Бога. Чтобы показать, что авторы Библии — выдумщики, недостойные доверия, Плифон объявил древнейшим авторитетом в области богословия и законодательства Зороастра и поместил его жизнь на много столетий раньше не только традиционной датировки жизни Моисея, но и принятой христианами даты сотворения мира. Гемист критикует «софистов»-христиан за следование множеству нелепых установлений и правил, он считает заблуждением такие монашеские и христианские практики и добродетели, как бегство от занятий мирскими науками и от познания материального мира, полное воздержание от сексуальной жизни, посты и полное воздержание от мяса, телесную аскезу, полное нестяжание. Плифон отвергает те образцы христианской аскезы, за которые веками прославлялись святые подвижники, предпочитая умеренность и благопристойность обыкновенного светского человека, а супружескую жизнь ставит выше безбрачия. Его философия имеет антихристианскую и антимонашескую направленность, и попытки некоторых исследователей увидеть в Плифоне христианина, чьи взгляды можно примирить с православием, следует признать несостоятельными.

---

²⁶ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00251 «Византийский Ренессанс: институциональные основания и теолого-метафизические истоки религиозно-политического дискурса второй половины XI - XV вв.» (Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук), <https://rscf.ru/project/23-18-00251/>

The study was funded by the grant of the Russian Science Foundation, project No. 23-18-00251 “The Byzantine Renaissance: The Institutional Foundations and Theological and Metaphysical Origins of Religious and Political Discourse, Second Half of the 11th-15th Centuries” (Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences), <https://rscf.ru/en/project/23-18-00251/>

Criticism of Christians and Christianity in the writings of George Gemistos Plethon

The report shows that Plethon in his writings by the name “Sophists” means Christians and polemizes with their teaching. According to Gemistos, Christians misled many people, falsely asserting that they were doing great things with the help of divine power and have knowledge received directly from God. To show that the authors of the Bible are inventors, unworthy confidence, Plethon declared the oldest authority in the field of theology and legislation of Zoroaster and placed his life many centuries earlier not only of the traditional dating of the life of Moses, but also of the date of the world was accepted by Christians. Gemistos criticizes the Christian “sophists” for following many ridiculous establishments and rules, he considers erroneous such monastic and Christian practices and virtues as avoiding scientific studies and knowledge of the material world, complete abstinence from sexual life, fasting and complete abstinence from meat, bodily austerity. Plethon rejects those examples of Christian asceticism, for which holy ascetics were glorified for centuries, he prefers the moderation and decency of an ordinary secular person, and puts a married life above celibacy. His philosophy has an anti-Christian and anti-monastic orientation, and attempts by some researchers to consider Plethon as a Christian, whose views agree with Orthodoxy, should be recognized as untenable.

Курбанов Андрей Викторович / Andrey V. Kurbanov

Социологический институт РАН — филиал ФНИЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия, старший научный сотрудник, канд. историч. наук / Sociological Institute of FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia, Senior researcher, CSc in History

Распространение антилатинских произведений Григория Паламы в славянском мире в XV–XVI веках²⁷

Доклад посвящен исследованию распространения славянских переводов антилатинских произведений Григория Паламы в славянском мире в XV–XVI веках. Как известно, славянские переводы основан на ранней греческой версии, отличной от опубликованной. Путем анализа древнейших сохранившихся рукописей, в частности, кодекса 88 из библиотеки сербского монастыря Высокие Дечаны в Косово, будет предпринята попытка реконструкции процесса создания и начального этапа бытования этих переводов в афонских монастырях. Особое внимание будет уделено факторам, способствовавшим повышенному интересу к полемическим трудам Паламы в славянских землях, среди которых интенсивность контактов с латинским миром, острые богословские и церковно-политические дискуссии, а также ключевая роль монастырей в сохранении и распространении текстов. Будет рассмотрено влияние этих переводов на развитие антилатинской полемики в славянском мире и их место в контексте византийско-славянских культурных связей. Исследование сталкивается с проблемами фрагментарности и малочисленности ранних рукописей, а также трудностями их точной датировки и локализации. Перспективы дальнейшего изучения темы видятся в изучении рукописных источников и компаративном исследовании греческой и славянской рукописных традиций сочинений Паламы.

The Dissemination of Gregory Palamas’ Anti-Latin Works in the Slavic World in the 15th–16th Centuries

The report examines the spread of Slavic translations of Gregory Palamas’s anti-Latin works in the Slavic world during the 15th and 16th centuries. By analyzing the oldest extant manuscripts,

---

²⁷ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00251 «Византийский Ренессанс: институциональные основания и теолого-метафизические истоки религиозно-политического дискурса второй половины XI - XV вв.» (Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук), <https://rscf.ru/project/23-18-00251/>

The study was funded by the grant of the Russian Science Foundation, project No. 23-18-00251 “The Byzantine Renaissance: The Institutional Foundations and Theological and Metaphysical Origins of Religious and Political Discourse, Second Half of the 11th-15th Centuries” (Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences), <https://rscf.ru/en/project/23-18-00251/>

particularly the Dečani 88 codex from Kosovo, the study will attempt to reconstruct the creation and early circulation of these translations in the monastic milieu of Mount Athos, notably in the Hilandar and St. Panteleimon monasteries, known for their strong ties to the Slavic world. Factors contributing to the heightened interest in Palamas's polemical writings in Slavic lands will be explored, including intense contacts with the Latin world, fierce theological and ecclesiastical-political debates, and the pivotal role of monasteries in preserving and disseminating these texts. The impact of these translations on the development of anti-Latin polemics in the Slavic world and their place within the broader context of Byzantine-Slavic cultural relations will also be examined. The study faces challenges due to the fragmentary nature and scarcity of early manuscripts, as well as difficulties in precisely dating and localizing their creation. Prospects for further research lie in the analysis of manuscript sources and the comparative study of the Greek and Slavic manuscript traditions of Palamas's works.

Круглый стол

Цифровые издания античных и византийских письменных памятников:
текст, перевод, научный аппарат, комментарии²⁸

Спиридонова Лидия Валентиновна / Lydia V. Spyridonova

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия, старший научный сотрудник, доцент, канд. филолог. наук / A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, Senior Researcher, CSc in History

Представление вариативности текста в цифровых академических изданиях: возможности, преимущества и ограничения²⁹

При подготовке научных изданий текстов со множеством сохранившихся редакций (черновики, правки автора, издательские варианты и т.п.), параллельных многоязычных переводов, текстов со сложной и богатой рукописной традицией и т.п. нередко встаёт проблема адекватного представления вариативности. Традиционные подходы на основе иерархических разметочных языков, таких как XML, сталкиваются с фундаментальными ограничениями при необходимости отразить сложные перекрывающиеся связи и трансформации между версиями одного текста, несмотря на то, что в последней версии консорциум TEI (§12.2.2) ввёл инструмент для реализации сложной перекрывающейся вариативности. В докладе рассматривается предложенное Д. Шмидтом и Р. Коломбом альтернативное решение на основе графовых моделей данных. А также недавно развитое Ф. Джованотти представление графов с помощью модели RDF для издания записок Паоло Буфалини в разметке TEI. Преимуществами данного подхода являются естественное отображение перекрытий, транспозиций и объединений версий, компактное представление без избыточного дублирования общих фрагментов, четкое разделение текстового содержимого и структуры вариативности, эффективные алгоритмы поиска, сравнения, слияния версий, а также возможность визуализации истории редактирования и генеалогии текста. В то же время можно отметить потенциальные ограничения: сложность визуального восприятия больших плотных графов, необходимость специализированных инструментов и форматов данных,

---

²⁸ Круглый стол проводится в рамках гранта в форме субсидии Минобрнауки РФ (проект «Русская и европейская классика в XXI веке: подготовка цифровых научных комментированных изданий», соглашение № 075-15-2024-549 от 23.04.2024 г.).

The round table is held as part of the grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (agreement no. 075-15-2024-549 by April 23, 2024) "Russian and European Classical Texts in the 21st Century: Preparing Digital Academic Editions with Commentaries".

²⁹ Исследование выполнено по гранту в форме субсидии Минобрнауки РФ (проект «Русская и европейская классика в XXI веке: подготовка цифровых научных комментированных изданий», соглашение № 075-15-2024-549 от 23.04.2024 г.).

The work was financially supported by the grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (agreement no. 075-15-2024-549 by April 23, 2024) "Russian and European Classical Texts in the 21st Century: Preparing Digital Academic Editions with Commentaries".

возможная потеря контекстной информации при фрагментации текста. Одной из проблемных областей является стандартизация различных методов совместного использования графовых моделей RDF и традиционной разметки текстового содержимого на основе TEI XML.

Representing Textual Variability in Digital Scholarly Editions: Opportunities, Advantages, and Constraints

When preparing critical editions of texts that exhibit multiple extant versions (such as drafts, authorial revisions, published variants, and others), parallel translations across languages, texts with a complex and rich manuscript tradition, and related materials, editors frequently encounter the challenge of adequately representing variability. Although the TEI consortium, as outlined in Section 12.2.2, introduced a mechanism for implementing intricate overlapping variability in XML documents, this approach, which is grounded in hierarchical markup languages such as XML, encounters significant limitations in capturing the complex, overlapping relationships and transformations between iterations of the same text. This report explores an alternative solution proposed by D. Schmidt and R. Colombo, which is predicated on graph data models. Additionally, F. Giovannetti recently developed a representation of graphs using the RDF model for the edition of Paolo Bufalini's notes in TEI markup. The advantages of this graph-based approach include a natural mapping of overlaps, transpositions, and merged versions; a compact representation without redundant duplication of shared fragments; a clear separation of textual content from the structure of variability; efficient algorithms for searching, comparing, and amalgamating versions; and the capacity to visualize both the editing history and the genealogy of the text. However, several potential constraints warrant acknowledgment: the complexity of visually interpreting large, dense graphs; the need for specialized tools and data formats; and the potential loss of contextual information due to the fragmentation of text. One particularly problematic domain is the standardization of methods for utilizing RDF graph models with the traditional TEI XML markup to represent textual content.

Курбанов Андрей Викторович / Andrey V. Kurbanov

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия, старший научный сотрудник, канд. истор. наук / A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, Senior Researcher, CSc in History

Визуализация критического аппарата в цифровых изданиях античных и византийских писателей³⁰

Текст критического издания античного или византийского сочинения (за исключением редких случаев поздневизантийских текстов, когда в распоряжении издателя есть автограф) представляет собой гипотезу реконструкции оригинала. Следовательно, в критическом аппарате читатель должен найти подробную информацию о редакционном процессе, приведшем к установленному тексту. К сожалению, схема построения аппарата традиционных бумажных изданий с отфильтрованными вариантами и минимальным количеством операторов не позволяет проверить гипотезу из-за скудости и неструктурированности данных. При переходе к цифровому изданию возникает проблема: как сделать критический аппарат удобным для проверки гипотезы издания? Мы предлагаем стандартизировать в разметке TEI атрибуты, классифицирующие разночтения. Примеры @cause в TEI уже включают незначимые для генеалогии случаи (гомеотелевтон, гомеоархия, палеографическая путаница, гаплография, диттография, ложная эмендация), а @type — "anteCorr", "postCorr" и "addition". Однако этот список следует расширить и стандартизировать, чтобы охватить все случаи, важные для построения стеммы, по которым вариант можно считать инновацией или оригинальным чтением. Эти типы могут быть выделены разными цветами в цифровых изданиях, позволяя читателю выбирать нужные ему варианты. Одним из возможных решений также является внедрение онтологической модели Critical Apparatus Ontology, предложенной Франческой Джованнетти в 2019 г. в draft-версии. Всё это позволит, во-первых, проверить генеалогическую корректность издания. Во-вторых, только на основе вариантов с

---

³⁰ Исследование выполнено по гранту в форме субсидии Минобрнауки РФ (проект «Русская и европейская классика в XXI веке: подготовка цифровых научных комментированных изданий», соглашение № 075-15-2024-549 от 23.04.2024 г.).

The work was financially supported by the grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (agreement no. 075-15-2024-549 by April 23, 2024) "Russian and European Classical Texts in the 21st Century: Preparing Digital Academic Editions with Commentaries".

отмеченным генеалогическим весом можно построить стемму, поэтому такая типология будет необходима для программного обеспечения по набору и сопоставлению колляций. Наконец, цифровой аппарат может предложить более удобный для пользователя опыт, чем традиционный печатный формат.

Visualisation of the Critical Apparatus in Digital Scholarly Editions

The text of a critical edition of an ancient or Byzantine work (excepting those rare instances of late Byzantine authors where an autograph survives) embodies a hypothesis advanced by the editor in reconstructing the original. Consequently, the critical apparatus must comprehensively elucidate the editorial process culminating in the established text. Regrettably, the apparatus structure of traditional printed editions, with minimally annotated filtered variants, impedes verification due to the paucity of information and disorganized data. In transitioning to digital editions, we are confronted with the challenge of rendering the critical apparatus conducive to scrutinizing the editorial hypothesis. We propose standardizing TEI markup attributes classifying variant readings. The samples of @cause in TEI already encompass genealogically insignificant cases such as homoeoteleuton, homoeoarchon, paleographic confusion, haplography, dittography, and spurious emendations, as well as @type attributes such as "anteCorr", "postCorr", and "addition". However, this catalogue demands substantial expansion and normalization to encompass all instances pertinent to stemma construction, whereby a reading variant may be deemed an innovation or an original reading. These types could be color-coded in digital editions. Such an apparatus could accentuate specific readings or linguistic features, or selectively display desired variants. One potential solution is the implementation of the ontological model *Critical Apparatus Ontology*, proposed by Francesca Giovannetti in 2019 in a draft version. Firstly, this facilitates verifying the edition's genealogical fidelity. Secondly, only variants of differential genealogical weight enable stemma construction, necessitating such a typology for collation software. Ultimately, this digital apparatus proffers a more user-friendly experience than traditional print formats, empowering scholars to engage more deeply with the critical edition and its underlying hypothesis.

Щукин Тимур Аркадьевич / Timur A. Shchukin

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия, научный сотрудник, канд. филос. наук / A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, Researcher, CSc in Philosophy

Датировка античного текста: чем могут помочь текстовые базы данных³¹

Текстовые базы данных — применительно к античным текстам речь идет, например, о Thesaurus Linguae Graeca, PHI Latin Texts, Thesaurus Linguae Aegyptiae, Simtho: The Syriac Thesaurus, оцифрованных изданиях Patrologia Latina, кумранских рукописей, библейских рукописей, талмудических текстов и т.п. — всего пару десятилетий назад вошли в научный обиход, стали важнейшим инструментом в руках исследователя. Но кроме простого доступа к нужному тексту, такие базы существенно ускоряют некоторые научные процедуры — например, проверку словоупотребления конкретного термина или словосочетания в указанный период, а также, что еще более существенно, помогают решить базовую задачу для описания конкретного текста — проблему датировки, представляя необходимый для этого материал. В докладе будут представлены конкретные примеры того, как правильным образом составленные поисковые запросы помогают определить, из какой идейной среды происходит текст, ограничить и описать эту идейную среду, выявить ключевые для нее терминологические и понятийные конструкции и в конечном счете привязать текст к конкретной точке в хронологии развертывания идеи.

Dating of an ancient text: how text databases can help

---

³¹ Исследование выполнено по гранту в форме субсидии Минобрнауки РФ (проект «Русская и европейская классика в XXI веке: подготовка цифровых научных комментированных изданий», соглашение No 075-15-2024-549 от 23.04.2024 г.). The work was financially supported by the grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (agreement no. 075-15-2024-549 by April 23, 2024) "Russian and European Classical Texts in the 21st Century: Preparing Digital Academic Editions with Commentaries".

Text databases — in relation to ancient texts, we are talking, for example, about Thesaurus Linguae Graeca, PHI Latin Texts, Thesaurus Linguae Aegyptiae, Simtho: The Syriac Thesaurus, digitized editions of Patrologia Latina, Qumran manuscripts, biblical manuscripts, Talmudic texts, etc. — just a couple of decades ago they entered scientific use, became an important tool in the hands of a researcher. But in addition to easy access to the necessary text, such databases significantly speed up some scientific procedures — for example, checking the usage of a specific term or phrase during a specified period, and also, more importantly, help solve the basic task for describing a specific text — the dating problem, presenting the necessary material for this. The report will provide concrete examples of how correctly composed search queries help to determine from which ideological environment the text originates, limit and describe this ideological environment, identify key terminological and conceptual constructions for it and ultimately link the text to a specific point in the chronology of the idea's deployment.

Никифорова Александра Юрьевна / Alexandra Ju. Nikiforova

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия, старший научный сотрудник, канд. филолог. наук / A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, Senior Researcher, CSc in Philology

Миафизитский литургический сборник Sinai Greek MG NF62: проблемы идентификации и публикации³²

Уникальный греческий кодекс Sinai Greek MG NF62 (IX-X вв., 28+22 л., бумага), выявлен среди «новых находок» библиотеки монастыря св. Екатерины на Синае. Кодекс сохранил литургические тексты одной из миафизитских общин последователей Севира Антиохийского (†542), действовавшей в Нижнем Египте и использовавшей в качестве богослужебного не коптский, а греческий язык. При утрате текстов догматического содержания, касающихся вопросов природы Христа и количества соборов, идентификация проведена на основании 1) *Intercessio* с упоминанием миафизитских святых – епископов и учителей Севира и Петра Исповедника (†488), игуменов Энатона V в. Лукия и Лонгина, «трех Макариев» (Великого, Александрийского и Ткоусского), Шенуты (†465), Псоа (IV в.), Максима и Дометия (IV в.), 2) диаконского прошения о «венце года и умеренном подъеме воды [Нила]» (л. 33), обычного для египетских миафизитских анафор, 3) типичных для коптской письменности характеристик Иоанна Крестителя как «мученика» и Иоанна Богослова как «девственника». К этой же традиции возможно отнести специфичный и не известный иерусалимской гимнографии жанр, в котором составлены гимны Христу, Богоматери, святым (каждый цикл состоит из десяти тропарей, написанных анапестом, и конечного воззвания «Честь тебе подобает и поклонение»). Миафизитские тексты в MG 62 перемежаются с мелькитскими раннеиерусалимскими гимнами Октоиха, свидетельствуя об отсутствии четкой демаркационной черты между халкидонскими и дохалкидонскими элементами в богослужении грекоязычных общин, существовавших на рубеже IX и X вв. в дельте Нила. Эта взаимоинтеграция двух традиций, мелькитской иерусалимской и египетской миафизитской, должна учитываться при подготовке публикации памятника и составлении комментария к нему.

Miaphysite Liturgical Collection Sinai Greek MG NF62: Problems of Its Identification and Publication

The unique Greek codex Sinai Greek MG NF62 (9th-10th centuries, 28+22 ff., paper) has been identified among the "new finds" from the library of the Monastery of St. Catherine in Sinai. The codex preserved the liturgical collection of a Miaphysite community of the adherents of Severus of Antioch (†542), remained that time in Lower Egypt and used in their liturgy Greek rather than Coptic language. With the lack of the texts concerning the nature of Christ and the number of councils, the identification to be made on the basis of 1) *Intercessio*, which mentions Miaphysite saint bishops and teachers Severus and Peter the Confessor (†488), abbots of Enaton of the 5th c. Lucius and Longinus, three Macarious saints (of Alexandria, the Great, of Tkou), Shenute

---

³² Исследование выполнено по гранту в форме субсидии Минобрнауки РФ (проект «Русская и европейская классика в XXI веке: подготовка цифровых научных комментированных изданий», соглашение № 075-15-2024-549 от 23.04.2024 г.).

The work was financially supported by the grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (agreement no. 075-15-2024-549 by April 23, 2024) "Russian and European Classical Texts in the 21st Century: Preparing Digital Academic Editions with Commentaries".

(†465), Psoios (4th c.), Maximus and Dometios (4th c.), 2) the deacon's petition "for the crown of the year and for the moderate rise of the water [of Nile]" (f. 33), common to Egyptian Miaphysite anaphoras, 3) the common in Coptic literature titles of John the Baptist as a "martyr" and John the Theologian as a "virgin". To this tradition may be attributed a specific genre not known to Jerusalem hymnography, when every set, dedicated to Christ, Virgin Mary, and the saints consists of ten anapestic troparia, with the final acclamation "For to You is due honour and veneration". The Miaphysite texts in MG 62 are interspersed with Melkite early Jerusalem hymns of the Octoechos, testifying that there was no a clear demarcation between Chalcedonian and non-Chalcedonian elements in the liturgy of Greek-speaking communities at the turn of the 9th and 10th centuries in the Nile Delta. This mutual influence of two traditions, Jerusalem Melkite and Egyptian Miaphysite, should be taken into account by the edition and commenting of this extraordinary codex.

Ноговицин Олег Николаевич / Oleg N. Nogovitsin

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия, старший научный сотрудник, канд. филос. наук / A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, Senior Researcher, Associate Professor, CSc in Philosophy

Повествовательная структура и жанровые особенности «О сотворении мира» Иоанна Филопона: к вопросу о принципах цифрового комментированного издания сочинения³³

Сочинение Иоанна Филопона «О сотворении мира» имеет крайне сложную многослойную структуру, как по содержанию, так и по жанровым характеристикам использованного автором нарратива. С точки зрения построения нарратива данного текста можно выделить несколько основных структурных элементов, которые составляют своего рода коды, высвобождающие тот или иной формирующий повествование подтекст, одни из которых выводятся автором на поверхность повествования и артикулированы им с самого начала, так что соответствующий подтекст всплывает уже в проэмии и введении, другие предьявлены позднее, хотя и подразумеваются прежде, чем будут отчетливо эксплицированы, поскольку кодируют дополнительным значением непосредственный смысл того или иного высказывания или даже целые тематические блоки повествования, в то время как наличие третьих и вовсе никак не акцентировано Филопоном развернутым образом. Во всех этих случаях построение текста «О сотворении мира» так или иначе помимо репрезентации авторской позиции, предполагает акцентированное отношение к его адресатам. Поэтому сложная взаимосвязь обсуждаемых в сочинении тем, чаще всего принадлежащих стандартному тематическому ряду толкований на текст книги Бытия, смысловых кодов и их подтекстов, а также различие в происхождении последних непосредственно проявляется как в структурных особенностях текста, так и в содержании высказываний, отобранных автором для эксплицитной демонстрации этого содержания или, напротив, получивших ту или иную форму косвенного указания на подразумеваемый смысл. В докладе предпринимается попытка 1) выделить и систематизировать эти коды и связанные с ними подтексты, 2) проанализировать структурные особенности текста, проистекающие из его жанровой специфики, обусловленной формой позднеантичного школьного философского комментария, 3) сформулировать правила использования полученной структурной модели текста в качестве модели построения его цифрового комментированного издания.

Narrative structure and genre features of "On the Creation of the World" by John Philoponus: back to the issue of the principles of digital commented edition of the work

The treatise of John Philoponus "On the Creation of the World" has an extremely complicated multilayered structure, both regarding the content and genre characteristics of the narrative used by the author. There are several basic structural elements to be highlighted in the review of composing the narrative of the given text, which constitute certain sui generis codes relieving this or that subtext that forms the narrative. Some of them

---

³³ Исследование выполнено по гранту в форме субсидии Минобрнауки РФ (проект «Русская и европейская классика в XXI веке: подготовка цифровых научных комментированных изданий», соглашение № 075-15-2024-549 от 23.04.2024 г.).

The work was financially supported by the grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (agreement no. 075-15-2024-549 by April 23, 2024) "Russian and European Classical Texts in the 21st Century: Preparing Digital Academic Editions with Commentaries".

are driven onto the top and articulated by the author from the very beginning so that the respective subtext pops up already in the proemium and introduction. The others are brought forth later although having been implicated before being distinctively explicated because by additional meaning they code the immediate sense of this or that statement, or even the thematic blocks of the narrative in their entirety. At the same time, as for the third type of codes, Philoponus does not emphasize them in width. In all of these cases, the composition of the text of “On the Creation of the World” suggests this or other way, besides representing the author’s position, the punctuated relation to his addressees. Therefore, the complex interconnection of the themes discussed in the treatise, most frequently pertaining to the standard thematical range of interpretations of the text of the Genesis, conceptual codes and their subtexts, as well as the distinction of the origins of the latter, immediately reveals itself both in the structural features of the text and the content of statements selected by the author to explicitly demonstrate this content or, on the contrary, having received this or that form of an indirect indication of the implied sense. In the paper, we attempt to 1) highlight and systematize these codes and subtexts related to them, 2) analyze the structural features of the text issuing from its genre specifics determined by the form of the late Ancient scholarly commentary, and 3) formulate the rules of utilization of the received structural model of the text as a pattern for composing its digital commented edition.

Черноглазов Дмитрий Александрович / Dmitrii Chernoglazov

Санкт-Петербургский государственный университет, профессор; Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия, старший научный сотрудник; д.ф.н. / Saint Petersburg State University, Professor; A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, Senior Researcher; DSc in Philology.

Трактат «О сотворении мира» Иоанна Филопона: специфика языка и стиля³⁴

Трактат «О сотворении мира» Иоанна Филопона – один из интереснейших памятников ранневизантийской философской и богословской мысли. Всестороннее исследование этого пространного текста – актуальная задача византиноведения. В настоящем докладе трактат будет проанализирован в том аспекте, который в наименьшей степени затрагивался исследователями – с точки зрения его языка и стиля. Предполагается охарактеризовать лексический состав, морфологию и синтаксис трактата, уделить внимание философской, риторической и естественнонаучной терминологии, которую использует Иоанн Филопон, определить его подходы к источникам и методы их цитирования. Текст будет рассматриваться в сопоставлении с другими сочинениями Иоанна Филопона. Особое внимание будет уделено тому, как особенности языка и стиля, присущие трактату «О сотворении мира», можно отразить в русском переводе, в комментариях и в аппаратах (*apparatus criticus*, *apparatus fontium*) будущего цифрового издания, которое мы готовим в настоящее время.

De opificio mundi of John Philoponos: Specifics of Language and Style

The treatise *De opificio mundi* by John Philoponos is one of the most interesting monuments of early Byzantine philosophical and theological thought. A comprehensive study of this lengthy text is an urgent task of Byzantine studies. In this paper the treatise will be analyzed in the aspect that has been least touched upon by researchers – from the point of view of its language and style. It is intended to characterize the lexicon, morphology and syntax of the treatise, to pay attention to the philosophical, rhetorical and natural science terminology used by John Philoponos, to determine his approaches to sources and methods of quoting them. The text will be examined in comparison with other writings of John Philoponos. Special attention will be paid to how the language and style peculiarities inherent in the treatise *De opificio mundi* can be reflected in the Russian translation, in the commentaries, and in the apparatuses (*apparatus criticus*, *apparatus fontium*) of the future digital edition that we are currently preparing.

---

³⁴ Исследование выполнено по гранту в форме субсидии Минобрнауки РФ (проект «Русская и европейская классика в XXI веке: подготовка цифровых научных комментированных изданий», соглашение № 075-15-2024-549 от 23.04.2024 г.).

The work was financially supported by the grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (agreement no. 075-15-2024-549 by April 23, 2024) “Russian and European Classical Texts in the 21st Century: Preparing Digital Academic Editions with Commentaries”.

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия, младший научный сотрудник / A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, Junior Researcher

Античная традиция о Ниле в трактате Филопона «О сотворении мира» (Philop. De opif. mund. 4, 3 и 4, 5)³⁵

В комментарии на Gen. 1:9–10 о собрании вод Филопон обращается к природе Нила и к его истоку и устью (Philop. De opif. mund. 4, 3 и 4, 5). Упоминание речных наносов Нила, которые увеличивают площадь суши и приподнимают ее, Филопон приводит как доказательство того, что при собрании вод в одно место часть суши опустилась, а часть поднялась (4, 3). К истоку Нила Филопон обращается, опровергая представления об Океане, который опоясывает землю (4, 5). В этом пассаже он упоминает Птолемея, который сообщает, что исток Нила находится на Лунной горе (Ptol. Geogr. 4, 8[9], 3). Однако Птолемей не единственный источник, к которому обращается Филопон в описании Нила. Описание природы Нила, его летних разливов и предположения об истоке были общим местом, причем не только у географов (Hdt. 2, 5–35; Strab. 17, 1, 1–52; Diod. 1, 10; 1, 19; 1, 30–41; Ael. Arist. Aegypt.; Plin. 3, 47; 5, 16–17; 6, 57; 18, 64; Sen. Nat. quaest. 4). Несмотря на неупоминания Филопоном других авторов в пассажах о Ниле, прослеживаются параллели с описанием Нила в «Метеорологике» Аристотеля (Arist. Met. 1, 13–14). Подтверждением того, что Филопон мог опираться именно на Аристотеля, является цитата из его «Физики» в начале 4 книги De opificio mundi (Arist. Phys. 194 b 13), а также рассуждения Аристотеля в контексте пассажа о Ниле о возникновении моря, рек и суши (Arist. Met. 1, 14).

Ancient tradition on the Nile in Philoponus' treatise 'On the Creation of the World' (Philop. De opif. mund. 4, 3; 4, 5)

In the commentary on Gen. 1:9–10 about the gathered waters Philoponus appeals to the nature of the Nile, its source and estuary (Philop. De opif. mund. 4, 3 and 4, 5). Philoponus mentions fluvial sediments of the Nile which enlarge land and lift it as an argument that while waters gathered one part of land descended and another rose (4, 3). Philoponus refers to the source of the Nile while rejecting idea that Ocean encircles land (4, 5). In this passage he mentions Ptolemy which notifies that the Nile originates from the mount of the Moon (Ptol. Geogr. 4, 8[9], 3). By the way, Ptolemy is not the only source to which Philoponus refers describing the Nile. Descriptions of the Nile, its flooding and assumptions of its source were common not only among geographers (Hdt. 2, 5–35; Strab. 17, 1, 1–52; Diod. 1, 10; 1, 19; 1, 30–41; Ael. Arist. Aegypt. Plin. 3, 47; 5, 16–17; 6, 57; 18, 64; Sen. Nat. quaest. 4). Although Philoponus does not mention other authors in his passages about the Nile, one can see parallels with description of the Nile in Aristotle's *Meteorologica* (Arist. Met. 1, 13–14). A citation from Aristotle's *Physics* (Arist. Phys. 194 b 13) in the beginning of the 4th book of Philoponus' treatise and Aristotle's discourse on the appearance of seas, rivers and land (Arist. Met. 1, 14) can confirm that Philoponus was based on Aristotle.

---

³⁵ Исследование выполнено по гранту в форме субсидии Минобрнауки РФ (проект «Русская и европейская классика в XXI веке: подготовка цифровых научных комментированных изданий», соглашение № 075-15-2024-549 от 23.04.2024 г.).

The work was financially supported by the grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (agreement no. 075-15-2024-549 by April 23, 2024) "Russian and European Classical Texts in the 21st Century: Preparing Digital Academic Editions with Commentaries".